

Экспедиция в Заполярье. Лето 1971-го года.

Александр Писецкий

Моя фамилия - Писецкий. И, насколько я знаю, фамилия достаточно редкая. Некоторые материалы о своей, как выяснилось неожиданно для самого себя, достаточно богатой событиями жизни я размещаю в фэйсбуке. Недавно пришло в голову посмотреть, нет ли в фэйсбуке моих полных однофамильцев – Александров Писецких. Выяснилось, что есть и не один. Нескольким я послал запросы на «дружбу» в фэйсбуке. Один ответил. К сожалению, мало о нем что знаю. В фэйсбуке он практически ничего о себе не сообщил. Из тех материалов, что он размещает, мне стало понятно, что он заядлый рыбак. Мы с ним прошлись по этому поводу парой фраз. В частности он написал: ...«единственное, что оправдывает охоту и рыбалку - это "голод" (инстинкт охотника, трофей должен быть съеден), все остальное - издевательство над животными и рыбами в том числе, а называется это садизмом»... По этому поводу я написал небольшой комментарий. Речь в нем шла о событиях, произошедших со мной в 1971-м году в Заполярье, где я принимал участие в экспедиции. Этот комментарий я разместил в фэйсбуке 2-го апреля этого 2016-го года.

После этого, что называется, нахлынули воспоминания, и мне захотелось написать обо всем, что я помню из того времени.

Начну с этого комментария. Сразу обращаю ваше внимание на то, что в комментарии я ошибся с датой. События эти происходили не в 1972-м году, а еще годом раньше – в 1971-м.

Небольшой комментарий к тому, что действительно оправдывает охоту и рыбалку.

В далеком 1972-м году я принимал участие в экспедиции на нашем европейском Заполярье. Морские геофизические исследования в южной части Баренцева моря. Я был начальником одной из радиостанций радиогеодезической системы «Поиск», обслуживающей геофизическое судно. Располагалась радиостанция в поселке Ходовариха. Это на полуострове Русский Заворот. Почти напротив острова Новая Земля, где водородные бомбы испытывали. Много интересного можно рассказывать и рассказывать...

Но я не об этом. Дело было летом. В это время там кормятся миллионы птиц. От лебедей и гусей до всяких куликов и мельче. На многие сотни (если не больше) километров заповедник. Естественно ни о какой охоте речи там и быть не могло. С точки зрения закона. Тем не менее, местные жители «охотились». Почему в кавычках? Потому что охотой это назвать нельзя. Алюминиевая лодка «Казанка» с мощным по тем временам двадцатисильным подвесным мотором «Вихрь». В лодке три человека. Один управляет мотором и лодкой. Двое по бортам с ружьями. Лодка на озере. В бинокль высматривается стайка гусей голов в двести. Лодка разгоняется и на полной скорости врывается в стаю. Птица в состоянии линьки; улететь понятно не может. Птицы пытаются нырять и уплыть от лодки. Но шансов на жизнь у них немного. С двух бортов идет стрельба, почти не целясь. Два-три таких «захода» и лодка нагружена битой птицей с горкой.

Браконьерство? Конечно. В самом варварском виде. Тем не менее, я бы хорошо подумал, прежде чем безоговорочно осуждать этих «охотников». Охотники эти – это жители поселка Ходовариха. К тому времени (и, похоже, до сих пор) там осталась только морская гидрометеорологическая станция и маяк. В описываемое время обслуживали это

хозяйство семь человек. Три семьи без детей и одинокий мужик. Ближайший населенный пункт – на побережье километрах в пятидесяти или больше. Название запомнил. Немного поболее по численности. Вглубь материка практически безлюдная тундра. Практически единственная связь с Большой землей – вертолет из Нарьян-Мара. Понятно, что ни о каком регулярном сообщении и речи не было. Раз в год летом такие редкие поселки обходил (объезжал, обплывал?) кораблик. Становился на якорь в нескольких сотнях метрах от берега; там очень мелко. И небольшим вертолетом с кораблика на берег свозили все необходимое для жизни поселка на год. От соли, спичек, муки и круп до бочек с горюче-смазочными материалами. Что-то «бесплатно» по обязательному списку, что-то по заказу за отдельную плату. Я был свидетелем одной такой операции. Чтобы обеспечить жизнь семи человек на год, вертолетик сделал 17 рейсов! И не такой уж маленький вертолетик. Если не ошибаюсь, это был МИ-4.

Я естественно помогал при разгрузке. Но, понятно, не ковырялся этом грузе. Думаю, что наверняка там присутствовала какая-нибудь тушенка. Но все равно. Год питаться такой пищей...

Так вот, я видел, как эту целую лодку «браконьерских» гусей ощипали, порезали на кусочки и зажарили с собственном гусином жиру. А потом расфасовали по стеклянным банкам. Гусиная тушенка. Хорошее подспорье в холодную полярную зиму без солнца... Поставить такую браконьерскую охоту на «промышленные» рельсы в те времена было невозможно. Нечем было транспортировать добычу потенциальным покупателям.

Такая же ситуация была и с рыбалкой. На территории заповедника ловить рыбу запрещалось любыми средствами. Но ее естественно ловили небольшими сетками, которые ставились на постоянной основе вертикально в воде. В отлив сетки проверялись. Нам (я и техник радиостанции) местные выделили одну такую сетку длиной метров 10-15. Если рыбка и попадалась, то это обычно была парочка рыбешек граммов по 700. Белорыбица. Сиг(?)

До меня дошла информация (не буду здесь говорить, откуда), что большая часть местного населения являлась осужденными. С условными сроками. Для властей это было удобно, как средство «закрепления трудящихся на местах работы». По тогдашним законам такой «зэк» не имел права ни с того ни с сего уволиться и уехать, куда глаза глядят. В тех местах были «чиновники», которые следили за списками местных жителей в таких поселках, как Ходовариха. И когда у кого-то заканчивался очередной срок, к нему вылетал вертолет; находили «его» сетку и без особых формальностей и бюрократии добавляли очередной условный срок. Года на два...

Насколько это правда, судить не берусь; слышал я это в пересказе. Но если это действительно так, то получается, что и меня могли тогда «закрепить» к рабочему месту в Заполярье?...

Я лишен охотничьего азарта. Ни охота, ни рыбалка меня не интересовали и не интересуют. Да, сетку я тогда регулярно проверял. Но, согласитесь, что рыбалкой это не назовешь. Ружье у меня тогда тоже было с собой. Один раз я даже принес штук семь каких-то куликов. Порешил одним выстрелом дробью. С расстояния метров с семи. Также мне «охота». Супчик из них сварили...

Много позже в 2010-м году у меня с женой было замечательное сафари по шести национальным паркам Кении и Танзании. Сафари не в том смысле, чтобы пострелять (там это невозможно), а в смысле посмотреть. Посмотрели мы по полной. 54 вида зверушек; большинство из них с расстояния в несколько метров из джипа с открытым верхом. Национальные парки – это не зоопарки; там звери живут «на природе» по-настоящему. Никаких загоронок. Самый большой – Серенгети - 17 000 кв. км. Плоская

равнина, на которой пасутся стада живности до горизонта. Тысячи и тысячи. Зебры, буйволы, антилопы гну и т.д.

После этого сафари я окончательно укрепился в мысли, что никогда не возьму в руки ружье...

Часть 1-я. «Пролог».

Написал я комментарий к замечанию моего тезки об охоте, где упомянул про экспедицию в Заполярье. Сразу многое вспомнилось. И решил я кое-что записать. Время идет, и если я сейчас этого не сделаю, то кто знает...

Работал я тогда в замечательной организации «ЮЖМОРГЕО». Название это несколько условное. Точнее говоря, это одно из ее названий. Я проработал там десять лет, и за это время и сама организация постоянно менялась во многих смыслах, и также менялось и ее название. В каком-то виде она существует и в настоящее время. Но всегда ее деятельность была (и есть) в той или иной степени связана с морскими геофизическими исследованиями в Мировом Океане.

В моих автобиографических записках я написал, как я попал в эту организацию, и как я ее покинул. (Кому интересно, могу дать ссылку на эти записки.) Это было мое первое (из двух) место работы. Все десять лет я проработал в отделе радиогеодезии и гидрографии. По идее мы должны были там «заниматься наукой». Но кроме этого сотрудников отдела привлекали к участию в различных экспедициях. Как в пределах родного отечества, так и за его рубежами. Последнее естественно особенно привлекало.

Начал я там работать 12-го августа 1969-го года. И уже в следующее лето напросился на «полевые работы». Куда и был направлен в качестве начальника одной из радиостанций радиогеодезической системы «Поиск». А находилось это «глухое поле» в Прибалтике. А точнее, на замечательном курорте Паланга! ЮЖМОРГЕО арендовало большую комнату в частном доме на окраине Паланги. Правда, «жировал» я там недолго и был «сослан» на другую радиостанцию на маленький глухой хутор под Лиепаей. (За что сослан, не буду здесь рассказывать.) Там тоже многое чего интересного было, но это, как говорится, совсем другая история...

Придется в нескольких словах рассказать, что же такое радиогеодезическая система «Поиск». Когда ведутся какие-то работы по поиску каких-то полезных ископаемых, то естественно неплохо бы знать, где ты собственно ищешь. Особенно если ты ищешь их в море. А то вдруг найдешь что-то хорошее, а как туда потом вернуться к этому самому хорошему? Сейчас-то проблем с этим нет. GPS-навигатор с блеском и большой точностью решает эту проблему. И современный навигатор может иметь вообще какие-то микроскопические размеры.

/Когда я «ушел в большой спорт», мой доктор подарил мне наручные часы. С виду обычные наручные часы в пластиковом водонепроницаемом корпусе. Кроме собственно часов там был еще компас, высотомер, GPS-навигатор, а также приемник кардиологической информации. К груди прикрепляется кардиодатчик, который передает данные «часам». После тренировки «часы» подключаешь к компьютеру и после обработки данных можешь ознакомиться с маршрутом движения с высотами в каждой точке, кардиоданными и т.д./

Представляете какого размера в этих часах GPS-навигатор? А ведь там «сидит» радиоприемник, принимающий сигналы со спутников.../

Я же пишу об экспедиции, которая происходила чуть не полвека назад. Никаких спутниковых навигационных систем тогда и в помине не было. Тогда задача определения координат судна, проводящего геофизические исследования в море, решалась с

помощью этой самой системой «Поиск». И координаты определялись с весьма высокой точностью – до нескольких метров, что соизмеримо с точностью, что дают современные космические навигационные системы.

Я естественно не буду углубляться в технические тонкости. Только несколько слов. Радиогеодезическая система «Поиск» состоит из четырех радиостанций с антеннами. Радиостанции располагаются по возможности на берегу моря на расстоянии 50-100 км друг от друга. На судне устанавливался специальный радиоприемник, принимающий и обрабатывающий сигналы этих радиостанций. Судно в море могло определять свои координаты в прибрежной зоне размером примерно в... двести километров. (Условно – круг радиусом в сто км.) Что, в общем-то, неплохо для геофизических исследований в шельфовой зоне. (Шельф – прибрежная зона до глубин 200 метров; там и ищут нефть.)

Несколько интересных особенностей. Система работала только в дневное время. (Не буду объяснять почему.) Радиостанции системы не должны выходить из строя на время большее нескольких первых минут. В противном случае пропадал целый день работы судна. В таком аварийном случае не определялись координаты судна за целый день работы. Поэтому к электропитанию радиопередатчиков предъявлялись особые требования. Они запитывались из обычной розетки 220 вольт. Но это возможно только в «цивилизованных» условиях города или другого населенного пункта. Но даже там возможны отключения электричества. В этом случае от аккумулятора автоматически запускался бензиновый движок с электрогенератором. Такой случай у меня был единственный раз на хуторе под Лиепаей. От этого же движка радиостанция питалась постоянно, если она была расположена в какой-нибудь глухомани, где электричества нет. Так это было в частности в Заполярье.

Радиостанция была естественно ламповой. Полупроводниковая техника находилась тогда в стадии становления. Микросхемная техника в зачаточном состоянии. Первые микросхемы содержали 6-8 транзисторов! Я ездил за ними на заводы изготовители. Но это тоже совсем другая, хотя и тоже очень интересная история...

Одной из особенностей этих радиостанций с движками была какая-то невероятная надежность. Как самой радиостанции, так и бензинового движка с генератором. Я проработал с этой техникой два летних сезона. Каждый по несколько месяцев. И ни разу ничто не вышло из строя и не потребовало ремонта. Обслуживающий персонал такой радиостанции – два человека. Начальник радиостанции и техник. Я, как начальник, теоретически отвечал за работоспособность этого оборудования. Оборудование – это ламповый достаточно простой ламповый радиопередатчик и бензиновый движок с электрогенератором. Мое образование – физический факультет Новосибирского университета; специальность – физика полупроводников. Еще в школьные годы я посещал радиокружок. И с ламповой техникой вполне мог разобраться. А вот бензиновый движок... В Заполярье питание радиостанции осуществлялось только от него. Это примерно с восьми утра и до шести вечера. Практически каждый день на протяжении нескольких месяцев. Несколько месяцев тархтел этот движок, и я не помню, чтобы с ним что-то случалось. Просто фантастика какая-то...

У нас дома тоже есть такая техника. В общем-то, у нас в Геленджике желательно иметь такой резервный источник электропитания. Летом в полную нагрузку работают многие тысячи кондиционеров, и электроподстанции, бывает, не выдерживают и выходят из строя. Бывает и на день, а то и на два. За это время потекут холодильники. Да и без воды столько некомфортно сидеть, поскольку воду мы берем из собственного колодца; качает ее автоматический электрический насос. А зимой бывают могучие ветра – норд-осты. Деревья выворачивают с корнем; крышу может сорвать и положить рядом с домом. Не каждый год такие сильные бывают, конечно. Но провода порвать могут если не каждый

год, то раз в два года точно. А без электричества зимой не будет тепла в доме. У нас автоматический газовый котел, который без электричества тоже не работает. А норд-осты обычно сопровождаются низкими температурами воздуха. Бывает, что аж до минус восемнадцати. (Обычно зимой у нас температура держится под плюс десять.) При таких условиях (холод и ветер) примерно через сутки или чуть больше температура в доме может упасть до минусовой температуры; батареи отопления могут полопаться...

Так что резервный источник электропитания у нас не роскошь. У нас стоял такой бензиновый электрогенератор лет пятнадцать. В год набегало 10-20 часов его работы. А в предпоследний Новый Год случилась капитальная авария. У нас почему-то именно на Новый Год «модно» иметь перебои с электричеством. Мы особо не переживаем по этому поводу – запустил движок - свет есть, отопление есть, вода есть, холодильники и телевизоры работают. Жить можно и можно пить шампанское. А в этот предпоследний Новый Год отключение электричества не было. Зато оно началось 1-го января (2015-го). Практически с утра. Да еще в таком не очень приятном режиме. Отключили. Я «отключаю» дом от проводов и запускаю движок. Часа через два-три центральное электроснабжение восстанавливается. Я заглушаю движок, отключаю его от домовой электросети и подключаю дом к «проводам». А где-то через час электричество опять вырубается. Все повторяю сначала. И так весь день. Не забывайте, что дело происходило 1-го января. Т.е. мы продолжали немножко праздновать. И попивали не только чай и кофе.

Кончилось тем, что в очередной раз работает движок и наконец-то опять «дали» электричество «по проводам». Я иду за дом в специальную пристройку и заглушаю движок. Но не отключаю генератор от домовой сети! Потом возвращаюсь в дом и подключаю домовую сеть к «проводам». Вся домовая электротехника начинает работать. А заодно начинает работать электрогенератор, но уже как электромотор. И этот электромотор начинает вращать насильно бензиновый движок!

От настоящей катастрофы нас спасло то, что через какое-то время я с Галей зашел за дом к пристройке с движком. В пристройке находится движок и электрический насос, качающий воду из колодца. Мы услышали какой-то посторонний шум, идущий из пристройки. Я открыл пристройку и оттуда повалил дым. Вовсю дымил вращающийся насильно бензиновый движок. А непосредственно над движком находится бак с бензином! Еще недолгое время и...

Плохо конечно быть бестолковым. Движок безнадежно вышел из строя, и его пришлось выбросить. И тут же мы купили новый движок с генератором. В магазине, принадлежащем нашей подруге. Настоящего немецкого производства. Качество и надежность...

С того времени прошло чуть меньше полутора лет. За это время движок проработал в общей сложности часов 10-20. Несколько дней назад у нас в очередной раз отключили электричество. Галя не хотела даже малейших неудобств и повелела мне завести движок. Что я и сделал. Движок завелся с первого рывка. А вот электричества он не дал. Там куча всякой электронной автоматики, которая видимо и вышла из строя. Предстоит ремонт хваленной немецкой техники...

Это к вопросу сравнения устройств разного поколения и стран производителей. Я далек от мысли захлеб превозносить отечественную технику. В те далекие времена пришлось немного повозиться с «Запорожцем» отца. Было такое замечательное авто. А немногим позже уже в Геленджике я купил мопед. Тоже естественно отечественного производства. Не буду рассказывать какими «неотпечатанными» словами я проклинал производителей этого технического «шедевра». И когда у меня, наконец, его украли, я вздохнул с облегчением...

За давностью лет не помню предыстории экспедиции. Не помню (а может и не знал никогда) что за судно обслуживала наша радиогеодезическая система. Это было какое-то относительно небольшое судно, которое производило морские сейсмические исследования. За судном тянется пластиковая кишка диаметром сантиметров семь и длиной до трех километров. В этой кишке находятся сейсмические приемники. (Грубо говоря, микрофоны.) Кишка залита соляжкой для придания нейтральной плавучести. А еще за судном тянется пневмопушка. Это такой стальной сосуд, в который закачивается воздух под большим давлением. Потом сосуд резко открывают, и получается такой очень резкий и громкий щелчок. Звук идет до дна и отражается от него. Часть звука проходит дальше и отражается от границ раздела подземных слоев. Все эти отраженные звуки приходят обратно и регистрируются микрофонами в сейсмической косе. Все это записывается на магнитофоны и в дальнейшем обрабатывается компьютерами. В результате чего получается картина строения земли под водой. На основании этого в частности делаются заключения о том, есть ли там нефть. Вот так очень приблизительно...

Все я это знаю не понаслышке, потому как позже сам принимал участия в таких экспедициях и исследованиях. Но в тот момент (лето 1971-го) все это меня не интересовало. Меня интересовала сама экспедиция в Заполярье!

Часть 2-я. «Мы летим в Нарьян-Мар; Нарьян-Мар».

Состав экспедиции состоял из двух сильно независимых частей. Судно с людьми и оборудованием и радиогеодезическая система «Поиск». Это тоже люди и оборудование. И оборудования тоже достаточно много. Его хватило, чтобы практически полностью загрузить грузовой вариант самолета АН 24. (В пассажирском варианте в самолет помещалось 54 человека.) Самолет с грузом летел по маршруту Геленджик – Нарьян-Мар с множеством остановок. Груз летел в сопровождении трех человек, среди которых был и ваш покорный слуга. С кем я летел, честно говоря, не помню. Помню, что перелет был очень долгий. Была даже ночевка в славном городе Пенза. Помню, что мы обсуждали, как называют жительниц этого города – пензячки? Еще помню, что ночевали мы прямо в салоне самолета на ящиках с оборудованием...

Прилетели в Нарьян-Мар... Замечательный город. Административный центр Ненецкого автономного округа; находится за полярным кругом; расположен в низовьях реки Печоры, в 110 км от Баренцева моря. Город – это очень сильно сказано. В Интернете нашел, что в 1970-м году там проживало 16 864 жителей. А я туда прибыл годом позже. (Да и сейчас там живет немногим больше людей – инфо из того же Интернета.)

Что запомнилось?... Очень немного. Первое – обилие гнуса. Просто невероятное количество. Собственно говоря, за этими мелкими насекомыми и прилетают туда миллионы птиц. Чтобы ими подкормиться. Но дело-то в том, что этим самым насекомым тоже нужно чем-то кормиться. А если они кровососущие, то как они там решают эту проблему? Не знаю. Но то, что они были очень не прочь подкормиться мною, помню отчетливо. Но мы были подготовлены. Брезентовые куртки и брюки. А на голове шляпы с сеткой из арсенала пасечников. Открытые части тела мы обильно смачивали диметилфталатом. На каждую радиостанцию нам было выдано литра по три этого яда. Эта штука действительно очень токсична, но в те времена широко использовалась в качестве репеллента. А запомнилась потому, что это было одно из первых ярких впечатлений в аэропорту при разгрузке самолета. Было начало короткого полярного лета. Нарьян-Мар находится за Полярным кругом и тогда там был полярный день. Т.е. солнце не заходило за горизонт. И было действительно по-летнему тепло. А мы в тяжелом

брезентовом одеянии. Жарко; пот течет. И снять это все невозможно, потому как сверх этого тяжелого обмундирования плотный слой насекомых. Остальные жужжат!... А рядом две местные девушки работницы аэропорта. Одеты по погоде. Юбки и блузки с коротким рукавом. Единственная отличительная особенность – в руках по веточке, которыми они неспешно отмахиваются от совсем уж обнаглевших мошек.

Судя по всему, организм человека в таких условиях начинает вырабатывать свой какой-то репеллент, который отпугивает насекомых и не дает им тебя сожрать в короткий срок. Я не помню, чтобы уже на «рабочем месте» мы пользовались диметилфталатом. Да помнится и полуобнаженными ходили. Но там на побережье гнуса похоже действительно было меньше. Морской бриз?...

Еще одна особенность тогдашнего Нарьян-Мара. Дорожное покрытие улиц. Точнее его отсутствие. Земля... Но был и участок улицы с твердым покрытием – бетонка. Целых триста метров!

Одна из особенностей Нарьян-Мара – отсутствие дороги, связывающей город с Большой Землей. Связь с этой самой Землей была только по воде (город стоит на реке Печоре) и по воздуху. Позже мне пришлось побывать еще в одном городе с такой особенностью – это город Икитос в Амазонии. Это примерно в сотне километров от истока реки Амазонки...

Нарьян-Мар окружает тундра. По которой, понятно, на автомобиле особо не поездишь. Так вот в этом замечательном городе жил тогда человек, владелец собственного автомобиля Москвич! А что, - красиво жить не запретишь! В воскресенье позавтракал, сел на собственное авто, проехал по бетонке триста метров и обратно, и опять можно садиться за стол пить спирт.

Спирт, потому как водка в этом замечательном городе не продавалась. Только спирт. Почему так? Могу только предположить, что это связано было опять-таки с особенностью расположения города. Точнее говоря, с особенностями транспортного сообщения с Большой Землей. Все необходимое для жизни города (пусть и небольшого) завозилось туда на судах в навигацию. Т.е. летом. Все, абсолютно все. В том числе и горячительные напитки. Смее предположить, что в целях экономии вместо водки завозили спирт, чтобы не возить дешевую воду.

Так это или не так, естественно не знаю. Но, тем не менее, в этом замечательном городе я как-то выпил пива. Разливного! Продавали его на улице из большой алюминиевой кастрюли. Зачерпывали его из нее прямо кружкой. Понятно, пиво было совсем без газа. Как нам сказали, это был какой-то пивной концентрат, разбавленный водой. Цвет у пива был темнее обычного. Вкус сильно отдаленно напоминающий пиво. И стоила кружка этого экзотического напитка 28 копеек. Тогда как на остальных необъятных просторах нашей родины кружка настоящего жигулевского пива стоила 22 копейки.

Что еще меня тогда поразило в Нарьян-Маре – обилие товаров в магазинах. Особенно импортных. Не нужно забывать, что это была эпоха тотального дефицита в родном отечестве. И не только импортных. Помню, я купил тогда себе меховой полушубок из облагороженной(?) овчины. За 112 рублей. До сих пор висит у меня в шкафу в гараже. Можно было бы и сейчас носить. Только у нас в Геленджике почти не бывает соответствующей погоды. Это, во-первых. А во-вторых, я с тех пор несколько подрос; ширину. Не влезаю в полушубок... (Может это изобилие было сразу после очередного сезонного завоза? Не знаю...)

Еще одна особенность, опять таки связанная с Нарьян-Маром того времени. Речь идет о том, как нужно и можно было выбираться из Нарьян-Мара на Большую Землю. Но об этом я расскажу позже...

Часть 3-я. «Перелет в Ходовриху. Знакомство с жителями».

Итак, мы прилетели в Нарьян-Мар. Полюбовались на местных барышень в аэропорту, лениво и грациозно отгонявших гнус от открытых частей тела. И как-то очень быстро погрузили свою часть оборудования в вертолет МИ-4. Даже не помню, ночевали ли мы тогда хотя бы одну ночь в местной гостинице.

Своя часть оборудования... Как я уже писал, в состав радиогеодезической системы «Поиск» входило четыре практически идентичных радиостанции. Оборудование каждой радиостанции. Собственно передатчик. Это прибор размером с современную микроволновку или чуть больше. Бензиновая электростанция мощностью в несколько киловатт, размером примерно, как и современный такой же мощности. (А может и два движка; ведь работать им пришлось каждый день часов по десять в течение почти всего хоть и короткого полярного, но все-таки лета.) Антенна радиостанции; о ней расскажу чуть позже. Какие-то инструменты и запасные части. Ну и естественно какие-то личные вещи; продукты. В общем, набиралось где-то с десятков ящиков, каждый размером примерно с четверть кубометра.

Как я уже писал, обслуживали такую радиостанцию два (или три) человека. «Мою» радиостанцию обслуживали два человека. Начальник радиостанции – ваш покорный слуга и техник – Володя Могилатов.

О Володе немного поподробнее. Володя, как и я, в свое время закончил физический факультет Новосибирского университета. Только годом раньше. В университете мы с ним никак не пересекались. А познакомились 11-го августа 1969-го года в самолете, летевшем из Новосибирска в Краснодар. А точнее, где-то на выходе из самолета в Краснодаре. А может быть даже в автобусе, на котором ехали из Краснодара в Геленджик. Тогда выяснилось, что мы летим не только в один город, а еще и работать в одну и ту же организацию. Володя спросил меня, а кого я еще знаю в той организации из выпускников нашего университета? Я перечислил, кого знал – Виктор и Август Штерны, Боря Штивельман и Володя Могилатов. На что Володя заметил, что он еще не приехал в Геленджик.

Шло время. Через несколько лет Штерны покинули родное отечество. В конечном итоге оказались в Штатах. Сегодня их уже нет с нами. Много позже Боря переехал в Израиль, где, насколько я знаю, живет и здравствует и сегодня. Володя тоже не прижился в Геленджике. Вернулся в Новосибирск. Доктор физмат наук; известный ученый в области электроразведки. (К шпионским делам это не имеет отношения; это имеет прямое отношение к геофизическим исследованиям.) А я до сих пор живу в Геленджике. Как говорит мой друг Валера Дворников (тоже проработавший несколько лет в новосибирском Академгородке) – Жизнь дается человеку один раз и прожить ее надо в Геленджике! На этот счет у меня нет особых возражений.

Однако вернемся в Заполярье в славный город Нарьян-Мар. Расскажу о том, где мы собственно работали. Посмотрите на первую карту. Это карта Баренцева моря. Почти в центре карты полуостров Русский заворот, помеченный красным цветом. На второй карте в самом низу город Нарьян-Мар. Там располагалась одна из четырех радиостанций системы, а также база всей экспедиции. Остальные три радиостанции располагались на острове Сенгейский и в поселках Тобседа и Ходовариха. Эти места можно видеть на карте выше Нарьян-Мара на побережье. «Моя» радиостанция располагалась на полуострове Русский заворот в поселке Ходовариха с населением на тот момент в семь человек. Исследовательское судно работало в районе моря, прилегающем к этим трем

радиостанциям. Как я уже упоминал, в Нарьян Маре мы все-так провели какое-то время, потому как успели посетить местный магазин. Вся экспедиция естественно не свалилась в эти места, как снег на голову. Перед этим туда прилетали какие-то люди из нашего начальства; подыскивали места для расположения радиостанций; заключили договора о нашем размещении и т.д. А также разузнали про особенности местных нравов. В частности, нас предупредили, что если мы прибудем на место «с пустыми руками», то нас «неправильно поймут». Пришлось руки «заполнить». Заполнили мы с Володей эти самые руки пятью бутылками спирта. (Я уже упоминал, что там водка была «не в моде». Не говоря уже про какое-то там вино. Только чистый неразведенный спирт!)

И вот мы уже загрузили в вертолет наш скарб и самих себя. В вертолете кроме нас летит еще один пассажир немного постарше меня и Володю. Из груза у него только пара

авосек с бутылками спирта. Это был начальник метеостанции на Ходоварихе. Я упоминал, что в этих богом забытых крохотных населенных пунктах какого-то регулярного сообщения с Большой Землей нет. А тут подвернулась оказия, вот хлопчик и прошвырнулся в Нарьян-Мар, чтобы затариться...

Лету от Нарьян-Мара что-то около часа. Прилетели. Приземлились в сотне метров около поселка. Весь поселок – три-четыре основательных бревенчатых дома, расположенных на песчаной косе. И еще маяк. Вертолет встречал весь поселок. Все шесть человек - седьмой прилетел с нами. Из вертолета выгрузили ящики и он улетел. Встреча вертолета, разгрузка – все происходило в полном молчании. Вертолет улетел, и я начал активно просить местный народ помочь нам перенести ящики куда-нибудь от возможного дождя. Ноль реакции. Точнее говоря, реакция была – нас с Володей взяли под руки и почти насильно куда-то повели. Честно говоря, я слегка струхнул. Глухомань невероятная; а вдруг сюда каким-то образом проникли каннибальские нравы? Нас довели до одного из домов; завели вовнутрь. Посередине довольно большой комнаты стоял большой стол, заставленный нехитрой снедью – рыба в разных видах; какие-то соленья. У нас не церемонясь забрали бутылки со спиртом. От сердца отлегло.

«Праздник» продолжался видимо несколько дней. Из «трапезной» не выходили даже на сон...

Часть 4-я. «Сага о Машке».

Праздник жизни окончился, потому как закончился спирт. Совсем кончился. И наш, и тот, что привез начальник метеостанции. Я проснулся. Но не под столом. Проснулся, как белый человек, в кровати. Как выяснилось, в своей кровати. Раздетый, но почему-то в плавках. В комнате, кроме меня никого не было. Не одеваясь, я вышел из дома. Ярко светило солнце. Было достаточно тепло – хоть и полярное, но лето. Домики там ставятся на достаточно высоких фундаментах, чтобы ветром случайно не занесло песком дверь в дом. Я вышел на достаточно высокое крыльцо. Рядом с крыльцом стояла лошадь. То ли щипала чахлую травку, то ли просто так думала о чем-то своем лошадином. У меня в организме еще бродили остатки спирта, и я вдруг почувствовал себя ковбоем. Мне захотелось с ветерком проскакать на лошади по прериям. Точнее говоря, по здешней тундре. У меня до этого был какой-то опыт скачек на лошади. Может один раз, а может два. В общей сложности до этого я проскакал на лошадях, наверное, метров сто! Я вскочил на лошадь и ударил ее своими голыми пятками по бокам. Лошадь послушала меня. Выбрала самый неспешный аллюр, и по кратчайшей прямой подошла к крыльцу ближайшего дома. Встала. Она, думаю, понимала свое лошадиное предназначение – возить на себе людей или их грузы. Никаким грузом я ее не обременил, значит ей нужно было меня куда-то подвезти. А куда меня можно везти в этой песчаной пустыне? Ясно – к другому дому. Что она и сделала. Но я-то хотел совсем другого! За отсутствием шпор, я опять вонзил ей в бока свои пятки. Лошадь, не возражая, подвезла меня к крыльцу следующего дома. Дома очень быстро кончились, и когда лошадь довезла меня до крыльца последнего дома, а я затребовал «продолжения банкета», лошадь повернула голову, недоуменно посмотрела на меня и пожала своими лошадиными плечами – Сам не знает, чего хочет!

В пылу скачек я не заметил, что на крыльцо одного из домов вышло все население поселка и покатывается от смеха, глядя на наши с лошадью манипуляции.

Нам рассказали, что эта лошадь дамского пола; зовут ее Машка. Она находится в очень почтенном возрасте; двадцать шесть лет тому назад ее по возрасту списали на корм собакам, и в настоящее время за метеостанцией числится только ее шкура. Но видимо

собак в поселке к тому времени уже не было, или по другой причине, но Машке была дарована жизнь. И жила Машка с тех пор в свое удовольствие.

Но не совсем в свое удовольствие. Как я уже упоминал, раз в год к берегу подходило судно, привозившее все необходимое для жизни поселка на год. Большая часть грузов перевозилось с борта судно в поселок вертолетом, а что-то катером до берега. И с берега это нужно было как-то перевезти в поселок. В поселке вроде бы был трактор, но что-то я не помню, чтобы он при нас когда-то тарахтел. Ну, в общем, помощь Машки в такие моменты была тоже не лишней.

Но Машка душой не была. За столь долгую лошадиную жизнь каких-то мозгов, да наберешься. Не любила она эти погрузочно-разгрузочные работы. И если в разговоре людей Машка слышала слово «корабль» (или «судно»?), она сматывалась подальше в тундру и приходила домой, пока не заканчивалась эта бодяга с грузами. Поэтому за неделю до подхода судна в поселке запрещалось в разговорах между собой употреблять это слово. А за пару дней для надежности Машку держали в ее личной конюшне на привязи.

При нас был случай, когда Машку захотели поэксплуатировать. Я уже рассказывал, как обставлялась «охота» на птицу в поселке. А тут как-то местные решили поохотиться не на озере с лодкой, а где-то в другом месте. И достаточно далеко. То ли еще на озерах массово не было линялой птицы, то ли по какой-то другой причине – не помню за давностью лет.

Было решено к этой операции привлечь Машку. С собой нужно было везти какую-то еду, оружие и боеприпасы. Планировалось относительно длительная операция. Местные мужики на работе оставили своих дам. Как мы с Володией распорядились, я точно не помню. То ли я принял участие, а Володя остался; а может у нас был какой-то перерыв в работе судна...

Ну а обратно-то мы рассчитывали на добычу! Так что помощь Машки была не лишней. Загодя ее на всякий случай заперли в конюшне. Рано утром (это ничего, что стоял полярный день) Машку запрягли в телегу. Побросали туда свои пожитки и двинулись в путь. Нельзя сказать, что Машка была в восторге от этой идеи. Но в то же время понимала, что от работы ей не отвертеться – такова уж ее лошадиная доля! Она тоже двинулась в путь. Но... сильно не спеша. Охотников такой темп ну никак не мог устроить. Пришлось скрепя сердце применить грубую физическую силу. Машку чем-то отхлестали. Машка прибавила скорости. Где-то примерно до трех километров в час. В таком «бешеном» темпе ее хватило метров на десять. После чего опять пошла с удобной для нее скоростью. Было предпринято еще несколько таких попыток. С тем же успехом. Измочаленный хлыст пришел в негодность. Да и Машку было жалко. Тогда кто-то выстрелил из своего ружья у Машки под ухом. Обезумевшая Машка прижала уши к голове и понеслась вскачь со скоростью примерно пять километров в час! Пролетела метров пятнадцать и остановилась тяжело дыша. И тут похоже обезумели все мы. Сменяясь, мы бежали рядом с Машкой и почти непрерывно палили из ружей у нее под ухом.

Так в тяжелом снаряжении (в сапогах забродах) полу-оглохшие мы преодолели четыре километра. Мы добрались до военной радиолокационной станции, находившей на расстоянии четырех километров от нашего поселка. С охотой было покончено. Мы все (включая Машку) были совершенно измотаны. Да и патроны закончились...

Станция эта была то ли в нерабочем состоянии, то ли законсервирована. Это такая громадная вращающаяся антенна, заключенная в шар из белого пластика высотой метров пятнадцать(?). Я думаю, многие раньше видели такие шары. А сейчас их почему-то и не видно. Устарели?...

За этим хозяйством присматривали два солдата срочной службы. Вот служба... С одной стороны, вроде хорошо, что рядом нет ну совсем никакого начальства. А с другой стороны, от тоски сдохнуть можно на таком «необитаемом острове»...

Мы там где-то передремали и не спеша вернулись домой. Хороша получилась «охота»!...

И еще один аспект нашей жизни в Ходоварихе был связан с Машкой.

Ранее я написал, что позже расскажу об антенне радиостанции. Антенна эта представляет собой составную алюминиевую трубчатую мачту высотой двадцать метров. Она ставится вертикально и укрепляется проволочными оттяжками, чтобы не упала. На высоте примерно полтора метра над землей к ней радиусами крепятся штук пятнадцать медных витых проволок параллельно земле. Длина каждой проволоки метров десять. Этаким зонтик над землей. Проволоки эти должны быть электрически изолированы через изоляторы, как от мачты, так и от земли. И ко всей этой системе подключается высокочастотное напряжение от радиопередатчика. Если стоя на земле прикоснуться к такой горизонтальной проволочке, то ощутишь достаточно ощутимое жжение. При этом несколько нарушается настройка антенны, и ею излучается более слабый сигнал. Если же хотя бы одна из проволок упадет на землю, то антенна практически полностью перестает излучать. А я уже писал, что никакая из радиостанций не должна прерывать свою работу больше чем на несколько первых минут.

Я также писал, что эти радиостанции работали исключительно надежно, так что практически можно было за ними не присматривать. Хоть на охоту иди.

И вот однажды... Мне повезло, что я стал свидетелем видимо самого первого эпизода. Я достаточно случайно смотрел в сторону антенны и увидел, как мимо антенны идет Машка; проходит под одной из горизонтальных проволок и спиной прикасается к ней. В месте соприкосновения Машка ощутила легкое жжение и видимо получила от этого кайф! Шкура толстая у животного. В отличие от меня Машка не знала даже основ радиотехники, чтобы понять причину этого кайфа. Но имела достаточно богатый жизненный опыт. Она видимо решила, что этот кайф получается от чисто механического трения шкуры о проволоку. И эта скотина начала усиленно тереться об эту проволоку. Кончилось тем, что эта проволока упала на землю, и, соответственно, радиостанция перестала работать. Слава богу, это произошло на моих глазах, и я быстро восстановил работу радиостанции. Прогнав естественно Машку. Но я понял, что Машка еще придет. И она пришла! И не один раз! Он постоянно тасовалась около антенны, и как только считала, что я не смотрю в ее сторону, лезла к ней. Несколько секунд, и радиостанция переставала работать! Я тогда чуть с ума не сошел. Подумывал даже огородить антенное поле сплошным забором. Но это было нереально. Нужно было огородить круг диаметром метров в двадцать с лишним. В этом богом забытом месте не было столько материалов.

Жизнь поменялась кардинальным образом. Я, как хамелеон, научился смотреть своими глазами в разные стороны и независимо обрабатывать изображения, приходящие в мозг от каждого глаза. Потому что, чтобы я не делал и где бы я не находился, один из глаз должен был не мигая смотреть в сторону антенны. Машка не дремала. Она ценила кайф!

Чтобы закончить истории с Машкой, я должен немного уйти в сторону и рассказать сначала о другом.

О выпивке в те времена на Севере вообще, и в Ходоварихе в частности. Про вообще я, пожалуй, несколько переборщил, потому как в той экспедиции общения с людьми у нас было не так и много. Но то, с чем я сталкивался, говорило о том, что пили там хорошо. Особенно те, у которых было достаточно много свободного времени, и отсутствовало на глазах начальство и власть.

В частности, так было в Ходоварихе. Свободного времени у людей – навалом! Начальство – сами себе. Власть – далеко. Одна беда – магазина поблизости нет.

Но и эту проблему наши соотечественники решили не без выдумки. Я уже писал, что все необходимое для жизни поселка раз в год завозили на корабле. Например, еду. Что-то привозили по списку бесплатно. В частности, муку для хлеба. Обязательный список этот установился видимо достаточно давно; возможно еще в военные и послевоенные голодные годы. И муку привозили очень низкого качества. Так что уже в то время, когда я там был, жители поселка заказывали за свои деньги муку более хорошего качества. Но ту малосъедобную муку им все равно привозили. И, в конце концов, головастые жители нашли и ей применение. В поселке была банька. Топилась дровами и грела воду в двухсотлитровой бочке. Изобретательные ребята научились делать брагу из этой муки в бочке. Удобно – небольшими порциями дров поддерживали нужный температурный режим. А когда брага набирала необходимую крепость, огонь разжигали больше и брагу перегоняли в самогон. В чистом виде такая брага из муки была видимо уж совсем ядовита. После этого местные тети могли быстренько помыться в баньке, пока мужики не успели завести следующую порцию браги. А уже после этого можно было и садиться за стол. Пока самогон закончится, глядишь уже и следующая порция браги поспела...

Такая малина продолжалась с полгода и закончилась незадолго до нашего с Володей приезда в Ходовариху. И закончилась не потому, что мука закончилась. Нет, муки еще оставалось достаточно. Просто пьянка дошла видимо до опасного предела, и у мужиков хватило мозгов выйти из этого круговорота браги в организме. Остатки муки они, кажется, даже закопали. Соблазн это дело такое...

Это конечно не означает, что тамошние мужики вдруг стали фанатичными трезвенниками. Нет конечно. Когда мы с Володей прилетели туда на вертолете со спиртом, то пили его до тех пор, пока он не закончился.

Однако, вернемся к лошадке Машке с антенной. Наш полевой сезон работы потихоньку подходил к концу. Мы тоже естественно привезли с собой какие-то продукты на сезон. А к концу выяснилось, что чего-то мы завезли может и мало, а кое что так и в некотором избытке. В частности, сахар. В небольшом избытке. Но его хватало, чтобы завести литров десять или двадцать бражки. Бражка из сахара менее ядовитая, чем из муки, так что при некотором мужестве ее можно было пить в чистом виде не перегоняя в самогон.

Вот мы с Володей и замесили эту самую сахарную бражку. Завели ее втайне от местных мужиков. Чтобы не насели на нее раньше времени. Собственно завели-то не для себя; больше для них. Вроде как отходная...

Но там в этом микроскопическом поселке вся жизнь на виду, и уже чуть не на третий день пошли ходоки – Надо попробовать, а то вдруг перестойт! Мы какое-то время пытались сопротивляться – Там же еще ничего не завелось! Но быстро сдались. В конце концов, для них же делали. Хотите – пейте эту сладенькую водичку крепости пива или чуть больше. В нашей комнате быстренько собралось мужское население поселка, и мы начали неспешно попивать этот полуфабрикат. Сладенькое-то сладенькое, но в голову, по ногам и по глазам несколько ударило. А я-то все равно правым глазом смотрю в окно в сторону антенны. И вижу, что к антенне крадется Машка, чтобы получить очередную порцию электронного кайфа. Я хватаю со стенки свое одноствольное охотничье ружье, заряженное бекасином, и нетвердыми ногами выхожу из комнаты на ступеньки дома. В глазах несколько двоится, но я вижу что-то большое и коричневое и стреляю. Слышу в ответ несколько неотпечатанных слов. Это ругалась не Машка. Это Володя сказал, что я «нехороший человек». (Что вообще-то очень нехарактерно для Володи.) Володя просто находился между мной и Машкой. Но в Машку я, тем не менее, попал.

Метод оказался достаточно эффективным. Машка начала делать набег на антенну пореже. Но все-таки набег продолжались. А я постреливал. Думаю, особого вреда я ей не причинял. Бекасин – это самая мелкая дробь на самую мелкую птицу. И с того расстояния, с какого я стрелял, вряд ли эта дробь проникала под толстую лошадиную шкуру. Но стрелять приходилось украдкой. Машка была там все-таки любимицей, и местные суровые мужики, узнай про это, вполне пальнуть и в меня и отнюдь не бекасином...

Позже я расскажу еще про один местный весьма оригинальный метод изготовления спиртного...

Продолжение следует...

Часть 5-я. «О Ходоварихе и ее жителях».

Немного о жителях Ходоварихи; о том, как там протекала жизнь.

Но сначала несколько слов о самой Ходоварихе. Большая часть информации взята понятно из Интернета.

...«Ходовариха – Ходо'вар яха переводится с ненецкого, как «река у края пастбища. И действительно, в этой местности пастбища заканчиваются; далее только Баренцево море. Морская гидрометеорологическая станция Ходовариха была открыта 17 ноября 1933 года. Расположена она примерно в 150 км к северо-востоку от города Нарьян-Мара Ненецкого автономного округа, на мысе Русский Заворот, представляющем низменную песчаную косу шириной 3-5 км, вытянутую с запада на восток протяженностью до 50 км. Заворот омывается Печорским морем, с юга – заливом Кузнецкая губа»...

А еще в Ходоварихе есть маяк. Тот, который светит морским судам. Я не нашел информации о времени его соиздания. Но известно, что он функционировал во время войны и даже был обстрелян с всплывшей около берега немецкой подводной лодки. Обстрел маяку особого ущерба не произвел. Немногочисленный обслуживающий персонал скрылся от обстрела в песчаных холмиках.

Со времени экспедиции прошло немногим меньше полвека; я естественно многое подзабыл. Но сейчас вспомнил, что в то время персонал метеостанции и маяка составлял не семь, а восемь человек. По две семьи на каждый «объект». Семьи без детей. Точнее говоря, в Ходоварихе детей не было. На маяке начальник где-то предпенсионного возраста с женой. Техник - мужик лет под сорок. По национальности коми. На вид от русского особо и не отличишь. Жена его какой-то более экзотичной местной национальности. Может ненка. По счету не то пятая, не то десятая жена. С предыдущей русской женой развелся, потому как та сильно не любила домашнюю работу. Особенно мужика возмущало то, что жена не стирала его грязные носки. Она их просто выбрасывала. Последнюю жену выбрал сознательно по национальному признаку – «С нацменкой можно делать все что хочешь, и она будет тебя слушаться». Как-то так он выразился.

Мы долгое время и не знали, что он в Ходоварихе он живет с женой. Узнали почти в конце нашего там пребывания. Когда все мужики сидели у нас в комнате и пили нашу недозревшую бражку. Сидели долго; спешить было особо некуда. К тому времени, помнится, полярный день уже закончился. Т.е. солнце хоть и еще на короткое время, но уже опускаюсь за линию горизонта. Уже наступила короткая ночь, а мы все еще «заседали». И тут без стука открывается дверь, и в комнату заходит незнакомая достаточно молодая женщина. Мы с Володей онемели от изумления. Прожить два-три месяца в маленьком поселке с населением меньше десяти человек и не знать, что тут живет еще одна живая душа... Войдя в комнату эта «душа» с порога начала осыпать

упреками своего мужа. Типа того, что хватит сидеть; надо идти домой! Муж, не изменившись в лице, молча метнул в нее большой охотничий нож. Нож воткнулся в стену в нескольких сантиметрах от головы «души». «Душа» молча ушла домой...

Где-то через год после окончания экспедиции кто-то из нашего начальства был опять в этих местах в командировке. По возвращении мне рассказали, что встречались там с этим техником маяка. За отчетный период во внешности хлопца произошли небольшие изменения. Он в пьяном виде упал с крыльца своего дома. И упал очень «удачно». Лицом на пустую грубо открытую консервную банку. От падения осталась памятка в виде аккуратного кругового шрама вокруг рта...

Я здесь никого не называю по именам. Потому как не помню этих имен. Точнее говоря, помню только одно имя – Вера. Так звали жену начальника метеостанции.

На метеостанции работали тоже две семьи. Техник, совсем молодой парень с женой; кажется выпускник метеорологического техникума. И, наконец, самая колоритная фигура поселка – начальник метеостанции с женой Верой. Парень двадцати семи лет атлетического сложения. И с совершенно взрывным характером. После окончания экспедиции начальник нашего радиогодезического отряда кое-что рассказал нам про этого парня. По его словам эту информацию он узнал от человека из силовых структур Нарьян Мара. Рабочее место в этой экспедиции у нашего начальника было как раз в этом замечательном городе. Город маленький, вот он как-то и сдружился с этим силовиком. Их контора в частности занималась «укреплением» людей на их рабочих местах методом «припаивания» работникам условных сроков. Я об этом уже писал ранее.

По словам этого силовика наш «Геракл» мотал срок где-то в нашем Краснодарском крае. И срок большой, потому как за убийство. Его неумной натуре это было невмоготу, и он сбежал. А чтобы как-то пересидеть поиски, забрался как-то в этот глухой угол в Ходовариху. Власти, получается, об этом знали, но особо не стремились вернуть блудного сына в лоно тюремной семьи. Там бы его опять пришлось кормить и стеречь, а здесь он приносил какую-то пользу. А сбежать отсюда было в определенном смысле не проще, чем из тюрьмы.

История, конечно, смотрится маловероятной, но, что называется, «за что купил, за то и продаю»...

Комнату для меня, Володи и радиопередатчика арендовали у метеостанции. Так что мы жили как раз за стенкой «Геракла» с женой. Жена Вера – миниатюрная женщина росточком мужу по пояс. Непробиваемо флегматичная. Только такая и могла жить с этой взрывной кучей мышц. Вера по-видимому из Нарьян Мара, потому как мать ее жила там в то время.

У «Геракла» был карабин «Лось». (См. фото.) Это такой весьма солидный аппарат. С оптическим прицелом. Помощнее знаменитой трехлинейки Мосина, которая выпускалась с 1891-го года и до конца Второй мировой войны. Калибр побольше – 9 мм, и вес пули побольше – 15 грамм. Одна из отличительных особенностей карабина – резиновая накладка на приклад, толщиной сантиметра четыре с дырками. Так что получался неплохой амортизатор при выстреле. Нелишний прибабас, между прочим. Стрелял я

как-то из этого карабина. «Геракл» очень любил это оружие и таскал его с собой где надо и где не надо. В один из самых первых дней нашего пребывания вытащил меня в тундру. Самой разнообразной птицы там было видимо-невидимо. В основном мелкая, которая допускала до себя на расстояние в несколько метров. Гусь птица более осторожная; особо близко до себя не допускала. К тому же они больше кучковались на многочисленных озерах и озерцах. Но, по крайней мере, одного гуся мы тогда увидели. Метрах в трехстах. Т.е. достаточно далеко для прицельного выстрела. Из обычного охотничьего ружья стрелять на такое расстояние вообще бесполезно. А тут был карабин, стреляющий пулями, да еще и с оптическим прицелом. «Геракл» и стрельнул. Поразить цель он не поразил, но пуля если и не зацепила гуся, то прошла очень близко. Гусь шарахнулся...

Немногим позже я немного столкнулся с нравом «Геракла».

Первое, что мы должны были сделать с Володей, это конечно запустить нашу радиостанцию, антенну поставить и т.д. Этим и занялись. Был полярный день; т.е. сутками было светло практически одинаково все время. Солнце хоть и не опускалось за горизонт, но и высоко над ним не поднималось. Из-за этого у нас с Володей несколько нарушился суточный циркадный ритм. Выразилось это в том, что увлеченные работой мы не ложились спать, как положено, около одиннадцати часов вечера. Еще светло; как спать-то ложиться? Потом, конечно, это достаточно быстро проходит, и ложишься спать вечером по времени, как белый человек. Светит там солнце или не светит.

А тут мы с Володей несколько увлеклись работой. И нам что-то понадобилось, чего у нас не было. Возможно, какой-то инструмент. Я, естественно, пошел за помощью к соседу. К ближайшему; т.е. к «Гераклу». Он у нас за стенкой жил.

Один из небольших штрихов в тогдашней жизни поселка. Первое – отсутствие замков. И второе, несколько связанное с первым, - там не было принято стучаться в дверь. Совсем. К этому мы естественно с Володей так и не привыкли.

И вот я иду за помощью к «Гераклу». Стучусь в дверь. В ответ слышу неразборчивый мат-перемат на самых громких тонах. Единственное, что я разобрал – «Сейчас застрелю через дверь!». И я слышу, как передергивается затвор карабина. Я конечно ходу от греха подальше.

На следующее утро установилась на редкость хорошая погода, навеявшая на всех какое-то благостное настроение. Весь поселок собрался у «Геракла» на утреннее чаепитие. Все неспешно прихлёбывают чай. Во главе стола сидит «Геракл», положив свою лапищу на маленькую жену, так что она спряталась где-то у него подмышкой.

...«Ну Саша (это я) вчера и учудил. Только я... собрался к Вере (слова, конечно, другие; более понятные русскому человеку), а тут Саша стучит в дверь! Ну я, конечно, за карабин! Как я его не застрелил!» Все вежливо похихикали. Но меня холодный пот слегка прошиб. Мне показалось, что «Геракл» мог...

Что еще могу сказать о жителях Ходоварихи. Поселок один, а организации две – маяк и метеостанция. Не помню, в каких формах это выражалось, но дух какого-то

соперничества присутствовал. Кто и что важнее! «Геракла» на это наверное подвигал больше склад характера. Тогда как начальника маяка возраст и большой стаж жизни в Ходоварихе. Думаю, он больше оборонялся, чем сам претендовал на какое-то лидерство...

Немного об их работе. Про работу маячников вообще ничего не помню. Не помню, чтобы маяк светил. А зачем, когда и так светло и ярко? Видимо он больше в полярную ночь работал...

У метеостанции работа была всегда. Каждые четыре (три?) часа они делали различные замеры. Точно не помню какие. Вероятно - температура воздуха (и морской воды?), направление и скорость ветра, количество выпавших осадков, уровень воды в море. Как-то так. Эти данные тут же передавались на «Большую Землю». Смутно припоминаю, что по радиации азбукой Морзе. (Точно не помню.) Но помню, что относились к этому очень серьезно. Чтобы не происходило, время подошло – «Геракл» или его техник шли снимать показания...

Еще одна особенность той жизни в Заполярье. А что люди делали, когда возникала надобность в медицинской помощи? К медикам обращались, только когда речь шла о неотложной помощи. Тогда вызывали санрейс. В Нарьян Маре для этой цели всегда были наготове дежурные вертолет, медик и экипаж вертолета. К таким вызовам все относились очень серьезно. Санрейс вызывался только в случае действительно неотложной необходимости. Но, с другой стороны, если такой вызов приходил, то бригада вылетала при любой погоде.

Мне рассказывали такой случай. (Позже расскажу где.) Как я понял, вызовов таких было очень немного. Вертолет за тысячу километров не полетит. А в окрестностях Нарьян Мара на расстоянии 100-200 километров есть только маленькие и очень маленькие поселки, в которых людей раз-два и обчелся. Поэтому такие дежурства для медиков и пилотов были в большинстве случаев просто отдыхом.

Очередное дежурство. Возможно, перед этим достаточно долго не было вызовов, и народ слегка «расслабился». Сами понимаете, как у нас принято расслабляться. В разгар «расслабления» вызов таки пришел. Пришлось лететь. «Расслабленный» пилот при посадке поломал шасси. Слава богу, не фатально, так что смогли улететь обратно и кажется даже с больным на борту...

Ну и последнее в этой главе. О зарплате и отпусках. Зарплаты у всех этих ребят были весьма небольшими. Помнится что-то от семидесяти рублей в месяц и немного выше. Но! Были северные надбавки; возможно были надбавки за стаж работы. Точно не знаю. Не знаю также величину этих надбавок. Слышал, что вроде самые высокие надбавки были в районе аж Берингова пролива. (Это который разделяет родное отечество с бывшей когда-то тоже родной Аляской.) Есть там такое местечко Певек. Там вроде максимальный коэффициент к зарплате был – два.

И еще одно но! Деньги-то там (в той же Ходоварихе) тратить негде и не на что. Так что они как-то скапливались. А отпуск... Отпуск чаще всего брали раз в три года. И в этом случае он получался полугодовым. Можно было и пошиковать на скопившиеся денежки.

Но и с отпуском (точнее говоря, с вылетом из Нарьян Мара) в отпуск были свои тонкости, о которых я расскажу позже...

А сейчас, пользуясь случаем, расскажу о зарплате и деньгах в Певеке. В лихие перестроечные времена пара моих приятелей несколько раз были там в командировках. В эти и другие богом забытые места люди ездили (да и сейчас наверное ездят), чтобы подзаработать денег. На несколько лет... А потом рутина затягивает и остаются работать до пенсии. Развлечений в таких местах мало; люди сами придумывают, кто во что горазд.

То ухитряются романы заводить на стороне (хотя какая уж там сторона в таких небольших населенных пунктах), то еще что.

В Певеке люди, прожившие там достаточно долго, «соревновались» между собой, кто первый накопит сто тысяч советских рублей. Кто жил и работал в советское время, тот понимает, насколько это была невероятно большая сумма.

А потом наступила перестройка и связанные с ней всякие катаклизмы. А какая туда информация об этом приходила? В основном официальная. Ну и потом человек инертен и консервативен – Да все как-нибудь перемелется... Кончилось тем, что накопленные деньги (считай за всю жизнь) практически в одночасье превратились в ничто, и у некоторых даже не было возможности оттуда съехать.

Не дай бог оказаться в такой ситуации...

Часть 6-я. «И еще о деталях быта».

Как я уже упоминал, радиогеодезическая система «Поиск» могла осуществлять свои функции только в дневное время. Это связано с особенностями прохождения радиоволн в средневолновом диапазоне; не буду на этом останавливаться. Это относилось и к Заполярью, несмотря на то, что там в то время был полярный день. Т.е. рабочее время системы продолжалось примерно с восьми утра и до пяти часов вечера.

Утром мы включали радиопередатчик в режим связи и связывались со своим начальством. Получали указания по работе. Чаще всего естественно получали указание начинать работу. Переводили радиостанцию в рабочий режим до вечера. Поскольку радиостанция была исключительно надежной, то теоретически можно было до вечера заниматься чем угодно. Хоть в тундру или куда еще уйти. Лишь бы в баке движка было горючее. Но конечно всегда я или Володя находись на рабочем месте. А второй мог предаваться чему-нибудь другому.

Я уже упоминал, что местные дали нам сетку, стационарно установленную в море. Ее нужно было естественно регулярно проверять. Делалось это во время отлива. Разница между высотой уровня воды между приливом и отливом в том месте примерно метр. Время отлива было известно. Приходить к сетке нужно было раньше низшей точки отлива. Дело в том, что в тех местах кроме бекасов, куликов, вальдшнепов, уток, гусей, лебедей и другой вкусной птицы водится еще масса и невкусной птицы – различные чайки, альбатросы и прочая вредная птичья сволочь. Вредная, потому, что они съедали рыбу в нашей сетке. За пределами поселка мы всегда ходили в забродах. Это такие высокие резиновые сапоги. Они бывают чуть не до подмышек, но у нас были примерно такие, как на фото. Сетка высотой под два метра; почти вся под водой в полную воду. Естественно в такую воду не полезешь. Ждешь, когда сетка начинает обнажаться. И если рыба застряла в верхней части сетки, то ты к ней подойти еще не можешь, зато чайка запросто подлетит. А если это альбатрос с размахом крыльев за пару метров, то он рыбину сглотнет в один секунд. Все эти птички хищники особенности тамошней рыбалки знали не хуже меня и, также, как и я, терпеливо поджидали, когда сетка потихоньку выходит из воды. Приходилось выстрелами отгонять хищников от сетки. Тонкость заключалась в том, что эти птички с точностью чуть не до

сантиметра знали длину безопасной дистанции. И за ее пределами спокойно объедали сетку, не обращая внимания на мои крики и выстрелы.

Был и еще один случай, связанный с чайками. Точнее, с одним видом чаек. Местное название – чайка пират. (Я пытался найти что-то в Интернете, но нашел только детскую игрушку с таким названием. Можете посмотреть на фото. Эта игрушка несколько похожа на реальную птичку.) Чайка эта несколько меньше чаек, что обитают у нас на Черном море. У них также зачерненные концы крыльев. Очень быстрые и агрессивные.

И вот как-то гуляю я по берегу моря. Ровный пустынный берег с почти белым песком. А в руках у меня ружье, заряженное мелкой дробью. А надо мной стая этих самых чаек. Я сдуру пальнул в их сторону, не целясь. Не думая. Раз в руках ружье, то должно же оно стрелять? И попал-таки в одну. Убить ее не убил, но пришлось ей приземлиться. Что тут началось! Вся эта стайка в сотню голов начала дружно пикировать на меня. Точно в голову. Меняли направление полета, в полуметре от головы. А если бы не меняли?... Забили бы в семь секунд. У меня хватило мозгов не защищаться от них выстрелами. Это было бы бесполезно. Их много, а я бы разбудил видимо еще большую агрессию. Но урок я извлек...

А еще есть такая экзотическая особенность Заполярья. Точнее, нашего отечественного Заполярья. (Про забугорное Заполярье я не знаю, как у них обстоит с этим делом.)

Я упоминал, что раз в год в маленькие (и не очень) населенные пункты, расположенные на берегу северных морей морскими судами завозят все необходимое для жизни на год. В том числе и различные ГСМ – горюче смазочные материалы. Бензин, керосин, солярка, различные технические масла и т.д. Завозится это в основном двухсотлитровыми

бочками. Понятно также, что перевозят эти бочки на берег не вертолетом. Как-то по воде до берега. А дальше уже потребители перевозят бочки тракторами к местам потребления этой продукции.

А изюминка состояла вот в чем. Это было советское время плановой экономики. Чего и сколько везти определялось какими-то нормами, которые неизвестно кто рассчитывал. Но, как ни странно, нормы эти, судя по всему,

были несколько завышены. А может и не странно. Потому как, если завезти меньше, то в условиях Заполярья дефицит ГСМ может закончиться печально. Так что привезенные ГСМ за год полностью не использовались.

Но это еще куда ни шло. Теоретически (и не сложно практически) можно было перед очередным завозом

© 2009/2010 Tundra Reports. Comments restructuring Russia's North
nikolay.kozlovskiy (U) GeoPhoto.Ru

посчитать неиспользованные остатки ГСМ, и тогда было бы возможно скорректировать объем очередной партии ГСМ. Но на самом деле избыточные нормы были в других сферах советской экономики. И никому в голову не приходило пытаться уменьшить нормы. Наоборот, к концу года все старались все истратить. В Заполярье избыточные ГСМ не истратишь и не продашь на сторону. Бочки с неистраченными ГСМ просто валялись на берегу. И за десятилетия скапливались «месторождения» из бочек ГСМ. Я видел такое «месторождение» на берегу моря около Ходоварихи. Прошло чуть не полвека, а ситуация с этим похоже не очень изменилась. Посмотрите фото из Интернета, сделанное в 2013-м году Константином Михайловым около той же Ходоварихи. Т.е. там, где я когда-то бродил зачем-то с ружьем. И тогда там была та же картина. Однажды при мне «Геракл» расстрелял из своего карабина бочку с авиационным бензином. Получился гриб, как при взрыве водородной бомбы, только естественно поменьше...

Нам с Володей подсказали еще одно применение ГСМ. Не то керосина, не то дизтоплива.

Время шло, и потихоньку близилась полярная зима. Во всяком случае, делалось все прохладнее и прохладнее. Нужно было как-то отапливать нашу весьма большую комнату. В комнате было что-то похожее на большую металлическую буржуйку. По форме – бочка. Эту печку нужно было чем-то топить. Чем отапливали свои печки зимой, я, честно говоря, не помню. Углем?...

Местные подсказали нам такой метод. Берутся штук шесть красных кирпичей и хорошо прокаливаются на огне. Прокаливаются, для того, чтобы выпарить из них полностью воду и освободить многочисленные поры в кирпичках. Потом эти кирпичи нужно окунуть в керосин (или солярку?) на достаточно длительное время. Час-два. После этого эти кирпичи можно положить в печь и как-то поджечь. Такие кирпичи горят достаточно долго ровным хорошим пламенем. Когда вся горючка выгорит, кирпичи можно «заряжать» заново.

Помнится, мы этим воспользовались только несколько раз...

Часть 7-я. «Путешествие в Тобседу».

Это произошло где-то в начале нашей работы в Заполярье. То ли по недосмотру мы недовезли какую-то важную часть радиопередатчика, то ли она вышла из строя в процессе работы, - не помню. Да это и не особенно важно в данном рассказе. Но нам эту деталь привезли вертолетом. Без сопровождения. Прилетел вертолет, пилот передал мне, помнится, большую электронную лампу. Пилот немного поболтал с местными (они там все друг друга знают), а потом сказал мне, как бы между делом, что он полетит сейчас в Тобседу, а потом прилетит обратно. Так что, если я хочу, то могу составить ему компанию. Я естественно захотел. Там стояла еще одна радиостанция нашей системы. А начальником этой радиостанции там был мой коллега по лаборатории Виктор Майко. /Честно говоря, даже если бы там никого из знакомых и не было, я все равно подписался бы под этим «проектом». Я всю жизнь был и остался легким на подъем. А уж если речь идет о каких-то авантюрах.../

Тобседа в переводе с ненецкого – «песчаное место». По сравнению с Ходоварихой, Тобседа была тогда довольно большим поселком по местным меркам. Несколько десятков жителей; сейчас прочитал в Интернете, что вроде бы там был рыбсовхоз.

В общем, мы полетели. Летели не очень долго. Расстояние около семидесяти километров. Сели на краю деревни. Как положено, нас встречали видимо все свободные от дел жители. Помнится, человек двадцать. В их числе был и мой коллега. Он повел меня в свою комнату. Комната была побольше нашей; с тремя окнами. Под каждым окном

лежал спальный мешок. Я поинтересовался, в чем причина такого необычного выбора места для ночевки? Витя поведал, что местный радист приревновал к нему свою жену Машку. А народ там, как полагаются, пьющий; да еще и у каждого есть, по крайней мере, ружье. Вот ребята и побаивались, что во сне нетрезвый ревнивец может застрелить через окно. Поэтому и спали все под окнами.

Далее любовная история развивалась следующим образом.

И тут мне придется опять отвлечься немного в сторону. Речь пойдет о том, как тобседское мужское население решало тогда проблему выпить-закусить. Вообще-то я не знаю, как они решали проблему закусить. А вот как выпить – мне рассказал Витя.

Тобседа большой цивилизованный населенный пункт. Доходили слухи, что вроде там даже магазин был. Но даже если и был – на спирт денег особо не напасешься. Тем более, если зарплаты небольшие. Так тамошние мужики спиртом особо и не заморачивались. В этом цивилизованном поселке была даже стиральная машина. (А может даже и две...) Но, как я понял, использовать это устройство для целей, придуманных изобретателем, местным жителям в голову не приходило. Местные кулибины придумали для этого устройства, как они полагали, более эффективное использование. Они заводили обычную брагу на сахаре, переливали брагу в стиральную машину и включали ее. В режиме активного перемешивания резко ускоряется переработка сахара в спирт дрожжевыми грибами. Так что через четыре часа продукт был уже готов к употреблению. По крайней мере, так считали местные мужики.

Можно предположить, что в этом коллективе был дипломированный биохимик, подсказавший эту идею. А может быть острая алкогольная недостаточность простимулировала обычную мужицкую смекалку.

Однако, вернемся к любовной истории. Очередной замес браги с использованием современных технических средств. Вокруг стиральной машины сидят мужики на корточках и из алюминиевых кружек неспешно попивают благородный напиток. В компании присутствует ревнивец. После очередной кружечки ревнивец объявляет – «Пойду-ка я зарезу Машку». (Не путайте с лихой кобылой в Ходоварихе; в данном случае имелась в виду его якобы неверная жена.) Не подумайте, что все вскочили на ноги и начали наперебой уговаривать мужика не делать этого. Нет, там свято блюди демократические традиции. Нельзя мешать человеку быть кузнецом своего несчастья. Мужики неспешно выпили еще по кружечке – «Ну что, пойдете посмотрим.» Пошли. Действительно, на полу лежит прирезанная Машка, истекая кровью.

Тобседа была действительно цивилизованным поселком. Там был даже свой фельдшер. У него был даже свой автотранспорт. Какая-то инвалидная коляска, на которой этот лихой медик рассекал по окрестным барханам. Почему инвалидная? Потому что у него не хватало многих частей тела, которые были заменены протезами. Этаким полуробот.

Позвали на помощь Машке это медицинское светило. Светило осмотрело бедную тетку, выдрало своей механической клешней из подкладки замасленной фуфайки клочок грязноватой ваты, и заткнуло им рану, из которой хлестала кровь. Витя, также присутствовавший при мучениях якобы своей пассии, обратил внимание фельдшера, что вата-то грязная; как бы не было заражения. Тот ответил Вите, что он ничего не понимает в медицине – «Кровь-то идет не туда, а оттуда!»

В общем, убийца муж, по совместительству являвшийся радистом, сам вызвал из Нарьян Мара санрейс. Прилетел вертолет и увез несчастную тетку.

Естественно, никакого там следствия, расследования не проводилось. Да оно и понятно – если из-за каждого пустяка заводить дело, так можно и всех пересажать. А работать кто будет?

Машка выжила. Заметно ослабевшую ее через какое-то время привезли обратно. Она ходила с палочкой по поселку и делилась своими дальнейшими планами. В планах стояло к Новому Году прирезать своего ревнивца со слишком горячей кровью. История умалчивает, реализовала ли тетка свои планы...

Обращаю внимание, что здесь нет и капли моего вымысла. Эту историю рассказал мне Витя Майко, являвшийся непосредственным участником описываемых событий...

Однако, вернемся к встрече с коллегами. Если радиогеодезическую радиостанцию в Тобседе обслуживали два человека, то в Тобседе – три. Начальник – уже упоминавшийся Витя Майко, еще один коллега из нашей лаборатории и техник из Риги. Я уже писал, что наша организация ЮЖМОРГЕО все время своего существования находилась (и находится) в состоянии непрерывных реорганизаций. А в тот момент она находилась в подчинении какой-то конторы, находящейся в Риге. Вот почему один из техников был из Риги. И прилетел он к месту экспедиции не один, а с несколькими бутылками знаменитого рижского бальзама. Да и Витя с товарищем прилетели туда не с пустыми руками. В их руках был спирт. Мы с Володей, тоже прилетели в Ходовариху не с пустыми руками, но нашу огненную жидкость жители нашего маленького поселка выпили вместе с нами сразу, особо нас не спрашивая. Витя же со товарищи видимо особо не делился с аборигенами, и ко времени моего нежданного визита у него кое что осталось. И спирт и бальзам. По случаю встречи мы слегка пригубили.

Замечательный напиток рижский бальзам. Его и сегодня несложно купить у нас. В чистом виде его практически не пьют. Пьют в коктейлях. Про какие-то коктейли с ним я только сейчас узнал. До сего времени знал только один – в водку добавляется немного бальзама. Очень даже неплохо.

Водки у нас в Тобседе не было, и мы добавляли бальзам в спирт. К моему удивлению бальзам в чистом спирте выпадал в осадок хлопьями! Сворачивался. Мы конечно не давали хлопьям осесть на дно. Взбалтывали и выпивали. Во, романтика!...

Встреча было недолгой. Где-то через час за мной зашел пилот вертолета, и мы полетели обратно в Ходовариху, где меня высадили, а вертолет полетел куда-то дальше.

Пикантную изюминку «Путешествия в Тобседу» я узнал много позже. Оказывается, у пилота вертолета никаких дел в Тобседе не было. Зато были какие-то друзья-приятели, к которым он бы с удовольствием заехал (залетел?). Но самому просто так слетать к приятелям он не мог. Кроме всего прочего, полет на вертолете удовольствие дорогое. В то далекое советское время час аренды вертолета МИ-4 (которым пользовались мы) стоил 400 рублей в час; час МИ-8 – 1200 р/час. (Да-да; те самые МИ-8, которые сегодня с завидной регулярностью терпят аварии, летали еще полвека назад.) Наши зарплаты были тогда чуть больше ста рублей в месяц.

Так вот этот лихой пилот, чтобы оправдаться перед своим начальством за «левый» рейс, сказал, что это я заказал ему рейс в Тобседу. И вроде бы даже нашей экспедиции выставили за него счет. Из-за перманентного отечественного бардака всем все сошло с рук. Ни пилоту, за то, что он не представил на этот счет хоть какой-то документ с моей подписью, ни мне за якобы заказ какого-то рейса. Меня чисто символически пожурили – Будь на будущее внимательней...

Тем и закончилось мое «Путешествие в Тобседу».

Часть 8-я. «Ура! К нам пришел пароход!».

Где-то в середине короткого полярного лета «аборигенам» Ходоварихи сообщили дату подхода судна с продуктами, оборудованием и прочим, что нужно для жизни на год. Понятно, что это очень ответственное событие. К нему как-то готовились.

Наконец судно подошло и встало на якорь где-то в полукилометре от берега. Там мелководье; ближе не подойдешь. ГСМ, а может и еще что, транспортировали к берегу видимо на каком-то катере. Мы с Володей этого не видели, потому как помогали разгружать вертолет и переносить наиболее важные грузы в помещения. Вертолет сделал семнадцать рейсов с судна к поселку. К концу разгрузки женщины приготовили обед. За стол сели жители поселка, включая нас с Володей, и пилот вертолета. Среди привезенных продуктов был естественно и спирт, какое-то количество которого было выставлено на стол.

Запомнился небольшой эпизод, рассказанный пилотом. Судно, которое к нам прибыло, базировалось в Архангельске. Там же проживал и пилот с женой в собственном домике.

Не знаю, как сегодня, но в советское время пилоты полярной авиации считались особой кастой. В это можно поверить. Одна из особенностей тех мест – возможность частой и резкой смены погоды. Пилот на том же вертолете вылетает в прекрасную погоду. Лететь меньше часа в один конец, но, тем не менее, неизвестно, какая будет погода, когда ты будешь лететь обратно. Большую часть времени мы провели в полярное время при достаточно хорошей погоде. Но даже и тогда погода несколько раз сильно срывалась. А уж в конце экспедиции...

Так что считать себя асами у тамошних пилотов какие-то основания были. О чем видимо к месту и не к месту напоминал своей жене наш герой. На что она ему видимо так же часто отвечала – «Да какой же ты ас! Такая же пьянь, как все остальные!» И вот однажды этот ас летел на своей стрекозе над Архангельском. И увидел внизу свой дом. Наш герой, чтобы доказать своей жене, что он все-таки ас, не нашел ничего лучшего, как снизиться и зависнуть над домом. Славировать так, чтобы выхлопная труба вертолета встала точно над трубой дома. И газануть! Жена в это время около печки что-то вручную стирала в корыте...

Наш ужин закончился. Как я уже упоминал, у нашего «Геракла» была алюминиевая лодка «Казанка» с двадцатисильным мотором «Вихрь». В тех пустынных местах что-то, в том числе и лодку, прятать было не от кого, и наш герой держал ее в заливе, привязанной к чему-то на берегу. А за несколько дней до прибытия судна был шторм. Лодку сорвало и куда-то унесло. Понятно, что потеря значительная; особенно в то время и в тех местах. И после ужина «Геракл» попросил пилота пролететь над берегом; вдруг удастся найти лодку...

Пилот согласился. С «Гераклом» они погрузились в вертолет. Естественно, я увязался с ними. Иначе, это был бы не я. Поднялись над поселком. И вдруг пилот, чтобы видимо показать свое мастерство, устремился к земле и начал летать между домами, едва не касаясь большим винтом домов и земли. У меня, наверное, волосы встали дыбом! Во всяком случае, хмель начисто вылетел из головы...

Потом мы полетели на поиски. Обследовали полосу берега длиной километров в двадцать, но лодки так и не нашли. Вернулись в поселок. Сели. Пилот открыл дверцу вертолета и выпал мертвецки пьяным на песок...

Это последнее, что я помню в эпопее разгрузки судна...

Часть 9-я. «Путешествие к рыбакам».

А эта история произошла, помнится, уже позже разгрузки судна.

В Ходовариху на моторке прибыл гость. Несложно понять, что это было в тех местах событием. Жители знали этого человека. Это был бригадир небольшой рыбацкой бригады, которая базировалась на противоположном от Ходоварихи берегу Кузнецкой губы на расстоянии, помнится, семнадцати километров.

Посмотрите на карте. Бригадир этот в этих местах был человеком известным и уважаемым. Высокий, жилистый, бородатый человек. (Без одного легкого!) В прошлом геолог. Что-то не поладил с начальством и решительно изменил свою судьбу.

Зачем он прибыл в Ходовариху, не помню; а может быть и не знал. Но встретили его с почетом. Истопили баньку; за ужином спиртом угостили. Не помню, но вряд ли я присутствовал на этих посиделках. Тем не менее, как-то с бригадиром этим я познакомился. И мало того, - напросился к нему в гости. Он не устоял перед моим напором. На следующее утро мы с ним отплыли на его моторке. Предполагалось, что я ознакомлюсь с его владениями, и на следующий день он привезет меня обратно. Своего-то транспорта у меня не было.

Подплываем к берегу. Лодку встречает его команда – несколько мужиков. В забродах стоят в воде сильно выше колен, но так что есть еще треугольничек над водой. Поверхность воды и над ней сходящиеся выше ноги. Бригадиру видимо показалось, что подчиненные встречают его недостаточно проворно. Одним движением он сбросил с плеча карабин, и, не целясь, сделал несколько выстрелов по количеству встречающих. Стрелял в эти треугольнички. Можно представить себе ощущения, когда тебе стреляют пулей между ног заметно выше колен...

«Ребятишки» не заплакали и не завозмуцались. Просто начали суетиться гораздо проворнее. Вытащили руками лодку на берег...

Дело шло уже к вечеру. По случаю приезда гостя (т.е. меня) бригадир выставил на стол бутылку спирта. Закуска (или ужин?) была самая неприязнительная – скоросолка. Так там называли этот харч. Также, как и в Ходоварихе, для собственного пропитания рыбаки выставили пару небольших сеток на постоянной основе. Только в отличие от Ходоварихи у рыбаков это было легально и законно. (Обо всем этом чуть позже.) В Ходоварихе к сеткам нужно было ходить достаточно далеко. С километр где-то. Потому что сам поселок находился не на самом берегу, а несколько вглубь полуострова Русский заворот. Берег там представляет роскошный широкий песчаный пляж. (Только там не очень-то купаешься; если не изменяет память, температура воды там в разгар полярного лета было +4 градуса.) Да еще там есть приливы-отливы с разницей уровней воды около одного метра. Поэтому-то поселок и обустроили подальше от берега. Рыбаки же обосновались практически на самом берегу. Никакого песчаного пляжа там не было; там был достаточно высокий берег.

Когда дело подошло к ужину, один из рыбаков проверил сетки и принес несколько рыбин под килограмм каждая. Рыбу почистили и попотрошили; порезали на небольшие кусочки. Примерно такие по размеру, как режут мясо для гуляша. В большой чашке развели достаточно крепкий соляной раствор, в котором руками переболтали кусочки рыбы. И... все! Может быть, рыбу потом минут двадцать подержали, чтобы кусочки хоть

как-то просолились, а может и нет – не помню точно. Вот и весь нехитрый закусон. Замечу - без хлеба!

А дальше... А дальше наступило утро, и меня бригадир должен был отвезти «домой» в Ходовариху. Но заполярная погода внесла свои коррективы. Хотя был почти что разгар полярного лета, но это же Заполярье. Разыгрался шторм. Не очень сильный; это все-таки всего лишь небольшой залив Кузнецкая губа, отгороженный от Северного Ледовитого океана довольно большим полуостровом Русский заворот. Но достаточной силы, чтобы было невозможно переплыть залив на небольшой алюминиевой лодке. И длился он достаточно долго – что-то около пяти дней. И в этом вынужденном заточении я узнал немного больше о жизни рыбаков.

Это какая-то невероятная экзотика. Со всех сторон.

Рыбаки... Не те рыбаки, которые ловят удочкой ершей и пескарей, уловом которых в лучшем случае можно накормить кошку. А рыбаки профессионалы, благодаря работе которых «сухопутная» часть человечества может полакомиться рыбой и другими морепродуктами. В представлении большинства это люди бороздящие моря и океаны на различных плавсредствах, и всяческими методами вылавливающих оттуда эти самые морепродукты. Так вот те рыбаки, с которыми я познакомился, ловили рыбу подо льдом, и, соответственно, в этот момент обходились без всяких плавсредств.

Тут я хочу несколько отвлечься в сторону и рассказать про еще один интересный момент, связанный с советским Заполярьем.

Историю эту рассказали мне тогда в этом самом Заполярье; больше я об этом никогда и нигде не слышал. Поэтому никак не могу ручаться за ее достоверность.

В местах этих водилась и водится семга. Сами понимаете, рыба куда более ценная, чем какая-нибудь треска. А потом нашим «преобразователям природы» пришлось в голову заселить в эти места дальневосточного лосося. Сказано – сделано.

И семга, и дальневосточный лосось имеют общим то, что живут в море, а на нерест идут в верховья «своих» речек. Т.е. в те речки, в которых они в свое время родились. Только лосось после нереста погибает, а семга нет.

Так вот лосось, заселенный в те места, подрос в море, и ему пришлось время нереститься. А где? «Родные» речки «у черта на куличках». Полезли в речки, которые есть. А куда деваться. Отнерестились и, как полагается, погибли. А это-то были исконные места нереста семги. Пошла семга на нерест в свои речки, а там вода с протухшим мясом лосося. Семга рыбка брезгливая; не захотела там нереститься. И пошла на нерест во всякие мелкие ручейки, которые раньше не представляли для нее интереса. Такое продолжалось год-два-три. Местные нам рассказывали, что тогда семгу можно было с берега из этих ручейков тракторами таскать. В результате поголовье семги резко уменьшилось. Но и с лососем не получилось ничего хорошего. Ему что-то там не понравилось, и он массово свалил к берегам Скандинавии.

Повторяю, за достоверность истории не ручаюсь. За что купил – за то продаю. Но, как бы то ни было, мы с Володией за все время пребывания там из своей сеточки не вытащили ни одной семги. У местных видели раз или два. Так что о «промышленном» лове семги в тех местах и речи быть не могло. Из своих сеточек и мы и местные и рыбаки вытаскивали рыбку, которую местные называли сигом. Что это была за рыба на самом деле, я естественно не знаю. Но рыба была вкусная.

В советское время одной из самых массовых рыб, что можно было купить, наверное, везде на просторах нашей необъятной родины, была треска. Покупали ее естественно в замороженном виде; ели в основном в жареном виде. Продукт так себе... Но однажды мне удалось поймать эту рыбку на удочку из иллюминатора судна «Профессор Штокман»

(об этом позже) в славном городе Мурманске. Мы ее пожарили, и это был совершенно иной продукт – вкусный! Что значит рыба свежая и мороженная...

Вернемся к нашим рыбакам. Напомню, что, как и Ходовариха, так и место, где базировались рыбаки, находилось на территории какого-то заповедника, где было запрещено и рыбу ловить и охотиться. Почему же тогда этим рыбакам было разрешено заниматься промышленным ловом на территории заповедника? Оказывается потому, что им разрешалось ловить рыбу только определенного вида – навагу.

Навага несколько меньше трески по размеру. Где-то пишут, что она по вкусовым качествам заметно превосходит треску; а где-то наоборот. Для моего рассказа интересно то, что навага - это прибрежная донная рыба, не встречающаяся в открытом море. С осенним похолоданием, когда температура в водоемах понижается, рыба активизируется, приближается к побережью и начинает усиленно питаться. К концу осени стаи рыб начинают перемещаться к берегам для размножения, иногда косяки даже заходят в устья рек и озера.

Из рассказов рыбаков я понял, что они ловят навагу как раз во время нереста, который длится несколько дней. В эти, даже не дни, а часы, рыбаки не спят и чуть ли не едят. От того, сколько они выловят в это время рыбы, и зависит их заработок. В удачный сезон этот заработок мог достигать 5000 рублей. Бешеные деньги по советским масштабам. Это почти официальная стоимость «Жигуля»...

Как рыбаки ловили навагу в промышленных масштабах, я не знаю. Как-то разговора на эту тему видимо не было. Иначе я бы запомнил...

Интересен еще один момент. А как рыбу-то оттуда вывозили?

Рыбаки говорили, что самолетом! «Кукурузником». «Правильное» название – АН 2. Занесён в Книгу рекордов Гиннеса как единственный в мире самолёт, который выпускается уже более 60 лет! Сегодня вроде бы продолжает выпускаться в Китае.

При советской власти (и позже) я перелетал почти на всех гражданских самолетах родного отечества (за исключением

легендарного сверхзвукового ТУ 144). В том числе пришлось как-то «прокатиться» и на «кукурузнике». Замечательная «жестянка», в которой было не то восемь, не то десять посадочных мест. Жестяных, не мягких. Я путешествовал не только на самолетах. Как-то на миноносце за водкой съездил. Но это, как говорится, совсем другая история...

Несколько слов о рыбаках в этой бригаде. Память человеческая интересная штука. Что-то помнишь через тьму лет в деталях, а что-то стирается... Попытался вспомнить все, что смог на эту тему.

В бригаде, кроме самого бригадира, было, кажется, еще три рыбака. Как я понял, все эти трое были, если не алкоголиками в «уверенной» стадии, то что-то близкое к этому. Бригадир и трое его подчинённых - это был такой интересный симбиоз; у каждого было свое жесткое место. Бригадир – «царь и бог»; подчиненные - достаточно добровольно отдавшие ему значительную часть своих свобод в обмен на заботу о них. Это равновесие держалось на силовой основе. Бригадир должен был постоянно доказывать свою «мощь и силу». Иначе... Но, как я понял, всех все устраивало.

Когда я разобрался в этих тонкостях, меня поразило, что в отсутствие бригадира (когда он отлучился в Ходовариху) эти алкаши не добрались до спирта.

В эти несколько дней моего вынужденного заточения у рыбаков я общался в основном с одним из рыбаков. Довольно интересный мужик. К сожалению, не запомнил его имени. На вид я определил его возраст примерно в шестьдесят лет. Позже узнал, что ему сорок пять. Ни кола, ни двора, ни семьи, ни родственников. Алкоголик... Жив только благодаря бригадиру.

Спирт закусывать скоросолкой – это, конечно, экзотика. Но когда на следующее утро на завтрак «подали» всё ту же скоросолку, но уже без спирта, я несколько занервничал. Есть фактически сырую рыбу, да еще и без хлеба... И когда я понял, что из-за шторма мне придется там пробыть какое-то время, то взял вопрос пропитания в свои руки. Выяснилось, что эти гаврики питались в основном этой самой скоросолкой и прекрасно себя чувствовали. В сырой рыбе наверное содержится почти все необходимое для содержания человеческого организма «в порядке». А это главное; остальное – дело привычки.

Много позже я столкнулся с еще одной уникальной «системой питания». Было это в Танзании в деревне масаев. Ребята эти держат стада коров, коз и овец. Питаются в основном смесью молока коров с их кровью. Кровь берут, протыкая вену коровы, и откачивая какое-то количество этой самой крови. И еще отварное мясо. Но это, как я понял, далеко не каждый день. Никаких там овощей или еще чего нет и в помине. Это нам рассказали сами масаи. Насколько это соответствует истине...

Выглядят эти ребята сытенькими и довольными жизнью. Деревня содержится в идеальной чистоте и порядке. И этому есть рациональное объяснение. Чтобы пасти стадо в одну-две сотни голов, достаточно нескольких пастухов. Остальные свободны. Это вам не Юго-Восточная Азия, большая часть населения которой с утра до вечера на карачках возится с рисом. И питаются чуть не одним этим рисом. А это вам не питательная смесь из крови с молоком...

Однако вернемся к рыбакам. Я не хотел даже несколько дней питаться одной сырой рыбой. Проявил активность. Народец пожал плечами – Если охота, так сам и возись. Выяснилось, что всяческие продукты у рыбаков были. Крупы, мука и т.д. Так я прокошеварил эти несколько дней. Не помню, жарил я рыбу или нет. Для этого растительное масло желательно. А было оно или нет?... Но что-то типа ухи варил. Это точно. И из муки что-то хлебоподобное тоже пёк...

/Вспомнился мой практически первый серьезный опыт по части кашеварения и прочего.

Я родился в 1946-м году, и детство мое прошло, прямо скажем, в голодные годы. И тем не менее, я был брезглив по части еды. Если я видел, как при мне резали мясо на кусочки (не говоря уже о курице), есть позже это блюдо я не мог. Перед глазами вставляли кусочки мяса в крови... Дочка Саша в какой-то степени унаследовала эту особенность. Будучи маленькой для второго блюда и гарнира она требовала отдельные тарелки и вилки...

В детстве меня, конечно, привлекали к готовке. Картошку почистить или еще что в этом духе. А еще посуду мыть, чего я страшно не любил. Мы жили в частном домике на окраине Новосибирска, и, понятно, никакой там воды из-под крана в доме не было. Воду брали на улице из «колонки» за сотню метров от дома. Это считалось близко...

Учась в университете, я жил в общежитии и питался в столовой. На выходные домой ездил. Так что готовить что-то тоже не пришлось. После университета в Геленджике тоже в столовках питался.

И вот на второй год жизни в Геленджике я попал на полевые работы в Прибалтике! Паланга! Нас там было несколько человек, и были ребята, которые с удовольствием готовили. Я не возражал...

А потом меня «сослали» на маленький глухой хутор под Лиепаей. Там уже работала радиостанция и управлялся с ней техник – мужик пятидесяти лет. А меня прислали к нему начальником. По приезду он накормил меня вполне съедобным супчиком из курицы. Но супчик быстро кончился и техник сказал мне, что теперь моя очередь готовить. Особых проблем не было – у него осталось еще полкурицы и другие продукты для аналогичного супчика. Мне, конечно, хотелось сказать, что готовить я не люблю и не умею, но я был уже большим мальчиком и понимал, что так нельзя... Супчик я сварил. Правда, с курицей возился с закрытыми глазами. Как я себе пальцы не пообрезал. Сварить-то я сварил; только вот есть его не смог. Потом это как-то прошло.../

Так что у рыбаков я уже вовсю кашеварил и с удовольствием ел свою нехитрую стряпню.

Мой приятель рыбак рассказал мне, как он пытался отдохнуть на Большой Земле в свой последний отпуск. Очередной сезон закончился. Он в Нарьян-Маре ждет самолета, чтобы улететь на эту самую Большую Землю. Почему ждет? Потому что это уже не лето, а в это время большую часть времени занимает нелетная погода. Но это не страшно. Деньги есть; ресторан есть; и магазины есть. Спирт... Так незаметно деньги и кончились. Да и что там хорошего на этой самой Большой Земле. А здесь скоросолка... Как-то дотянул до начала следующего сезона рыбной ловли. Бригадир помог; опять взял его в свою бригаду...

И еще одну замечательную историю рассказал мне этот рыбак. Она меня просто потрясла..

История произошла в прошлый сезон. Пошла рыба на нерест! Длится это время всего несколько дней. В это время рыбаки не спят и практически не едят. Это то время, когда день год кормит. А тут у нашего приятеля разболелся зуб. Разболелся по-серьезному. Тогда, когда боль с ума сводит. Ни о какой работе не может быть и речи. Что делать? Можно, например, вызвать санрейс. Прилетит вертолет; заберет в Нарьян-Мар. Там в больнице что-то сделают. Все это возможно и реально. Если бы не одно маленькое но. Система оплаты рыбацкого труда устроена была так, что фактически рыбак получал деньги только за дни (точнее, часы) работы, когда он вытаскивал рыбу, идущую на нерест. И если бы наш герой в это время отсутствовал и занимался своим зубом, то он бы ничего не заработал. Точнее говоря, он получил бы какой-то гарантированный минимум. Что-то около семидесяти рублей в месяц. Тогда, как я уже упоминал, заработок в хороший сезон мог исчисляться тысячами рублей...

Что делает наш герой? Он решил отлежаться день в надежде, что боль как-то утихнет. Конечно, он потеряет за этот день большие деньги, но есть надежда, что в остальные дни он успеет что-то заработать. Отлежался. Но боль не ушла! И тогда он решил сам себе удалить зуб. Ни за что не придумаете, как он это сделал.

Зуб был одним из коренных на нижней челюсти. Мужик приставил к зубу ствол мелкокалиберной винтовки изнутри рта. Затем оттянул пальцем губу, чтобы зуб мог беспрепятственно вылететь изо рта. И выстрелил! Зуб действительно вылетел, немного порвав губу. Что мне рыбак и продемонстрировал. Также, как и пустое место от зуба...

Наконец шторм утих. Я попрощался с гостеприимными рыбаками, и бригадир благополучно отвез меня на своей лодке в Ходовариху. Оказалось, что шторм был не только в Кузнецкой губе, но и на море, где работало наше геофизическое судно, которое обслуживала наша радиогеодезическая система. Несколько дней судно не работало; поэтому и нашей радиостанции тоже не нужно было работать. Но шторм уже закончился, и Володя начал работу без меня. Все обошлось...

Часть 10-я. «Окончание экспедиции».

Все когда-то заканчивается. Заканчивалась и наша экспедиция. Геофизическое судно закончило работы на море. Точнее говоря, начинались осенне-зимние затяжные штормы в северных морях. Там и в летнее время бывают такие шторма, что никакие работы на море производить невозможно. Через двенадцать лет в 1983-м году я принимал участие в геофизической экспедиции на судне Института океанологии «Профессор Штокман». Работы производились в основном в Баренцевом море; естественно в летнее время. Тем не менее, мы однажды попали в шторм, который продолжался больше недели. Практически все это время мы пролежали в койках. Качка. То голова выше ног, то ноги выше головы. И все твои внутренности перемещаются от горла до задницы и обратно. Туда и обратно! И так дней десять. Романтика!...

/Работы в этом регионе на этом судне были начаты в 1981-м году. По результатам этих работ было выявлено «Штокмановское поднятие» под дном Баренцева моря. Сегодня оно известно, как Штокмановское месторождение. И по разведанным запасам природного газа оно на сегодняшний день является одним из крупнейших в мире. А название это дал, насколько я знаю, мой тогдашний шеф по Институту океанологии Александр Яковлевич Гольмшток, о чем сегодня нигде не упоминается. Но это, как говорится, совсем другая история.../

Итак, в 1971-м году закончились работы на море, и, соответственно, закончилась работа и нашего радиогеодезического отряда. Мы с Володей неспешно демонтировали радиостанцию, и упаковали оборудование в ящики. Стали ждать вертолета, который отвез бы нас с нашим скарбом в Нарьян Мар и далее в родной Геленджик.

Ждать пришлось какое-то время. Не день и не два. Делать было нечего. Мы попросили у начальника радиостанции («Геракла») радиоприемник, чтобы хоть как-то скрасить ожидание. У него был замечательный транзисторный радиоприемник «Спидола». Долгое время «Спидола» считалась одним из самых значительных достижений советской радиопромышленности. Одной из особенностей этого радиоприемника была возможность слушать вражеские голоса, такие как «Голос Америки» или «Европа». Хороший аппарат, но дорогой по советским меркам - 73 рубля 40 копеек. (Средняя зарплата по СССР в 1962 году - около 84 рублей в месяц. Кстати, и сегодня можно купить этот аппарат, созданный в те времена; цена 3 500 – 4 000 рублей.)

И вот сидим мы с Володей около этого аппарата. Слушаем, естественно, эти самые голоса. И слышим такое сообщение – В Советском Союзе на ядерном полигоне на Новой Земле взорвана очередная водородная бомба! Вот тебе, бабушка и юрки в дверь! Да из Ходоварики в хорошую погоду можно было полюбоваться этой самой Землей. Побежали на метеостанцию. Радиометр-то у них должен быть. Должен быть. И был. Только вот отградуирован он был в каких-то условных единицах. Включили. Метеостанщики почесали головы – прибор показывает уровень радиации вроде несколько выше обычного. Но вот насколько выше?...

Сейчас посмотрел в Интернете: ...«В августе 1963 года СССР и США подписали договор о запрещении ядерных испытаний в трёх средах: атмосфере, космосе и под водой... ..Пролив Маточкин Шар — подземные испытания в 1964—1990 годах.»... Этот узкий пролив разделяет два больших острова Северный и Южный, из которых собственно и состоит Малая Земля. (На самом деле, Новая Земля считается архипелагом; в него входит еще несколько совсем мелких островов.)

Получается, что если при нас на Новой Земле что-то и рванули, то это могло быть под землей в проливе Маточкин шар. Сейчас не помню, сообщалось ли тогда в наших советских СМИ об этом испытании. Может быть да; но вполне может быть и нет. Ведь

всего на полигоне было произведено аж 132 ядерных взрыва: 87 в атмосфере (из них 84 воздушных, 1 наземный, 2 надводных), 3 подводных и 42 подземных! Правда, в течение достаточно длительного времени - с 21 сентября 1955 года по 24 октября 1990 года. Но все равно – чуть не полторы сотни взрывов! Не подумайте, что это все было в одном месте - официальная территория полигона занимала свыше половины всей площади острова. А островок не маленький - архипелаг тянется с юго-запада на северо-восток на 925 км. Площадь его - 83 000 км². Для сравнения площадь всей Московской области - 45 900 км². Т.е. получается, что площадь полигона примерно равнялась площади Московской области! Да подумаешь – Россия страна большая!

Еще пара интересных цифр. В 2010-м году население этой области составляло 7,095 миллиона человек. В том же году люди на Новой Земле тоже жили – аж 2 429 человек. Т.е. если в Московской области плотность населения составляла 154,6 чел./км², то на Новой Земле плотность населения - 0,029 чел./км². Разница в 5330 раз! Рассея!

Пролив Маточкин шар... Под его дном взрывали водородные бомбы... В 1983-м году мы подходили ко входу в пролив на судне «Профессор Штокман» со стороны Баренцева моря. Даже постояли какое-то время примерно в полукилометре от входа в пролив.

фото я слева от спасательного круга.

Посмотрите на мое фото . Хмуро и очень неуютно...

А на этом фото геленджичане, участники экспедиции. Сегодня двое живут и здравствуют. Пятерых уже нет с нами. Еще про одного у меня информации нет. На

В конце концов в Ходовариху прилетел за нам вертолет. Мы попрощались с гостеприимными жителями...

И вот мы уже и в Нарьян-Маре. Пробыли там недолго – несколько дней. Расквартированы были в скромной небольшой гостинице на несколько номеров. Единственной вроде в то время в Нарьян-Маре. Посмотрите на фото. Это я собственной персоной у входа в гостиницу. За три месяца небрежения бритвой обзавелся куцей бородкой. Не мое это дело – выращивание и ношение бороды...

Ничем особенным это время не запомнилось. Не помню даже, как мы загружали ящики со своим оборудованием в самолет. В этот раз я груз не сопровождал. Возвращались мы домой самолетами Аэрофлота.

А вот стремительное изменение погоды запомнилось. Когда вылетали вертолетом из Ходоварижи, было еще достаточно тепло. В Нарьян-Маре было уже заметно свежее. На фото виден небольшой снежок. На мне очень легкое пластмассовое осеннее пальтишко. На голове... Эта самая теплая одежда, которую я взял с собой в экспедицию. А вот когда мы садились в самолет, было уже минус

тридцать пять градусов мороза! Около трапа в самолет нас тормознули на минуту на «свежем воздухе». Я думал, дело кончится обморожением. Пронесло...

/И еще немного о погоде в Нарьян-Маре. Летной и нелетной. Нелетная погода там бывает часто и подолгу. Особенно в зимние месяцы (которые там девять месяцев в году). Да и самолеты тогда были несколько несовершеннее наверное. Услышал я там замечательную историю, связанную с этой самой нелетной погодой.

Бравый военный капитан получает положенный отпуск. Его транспортируют в Нарьян-Мар из какой-то совершеннейшей глуши похлеще этого самого Нарьян-Мара. И с этого момента начинается отсчет его отпуска, который, понятно, не бесконечен. Планов громадье. Есть молодость, здоровье, деньги и время. В глазах мерещится сочинский пляж и девочки. Все хорошо, но вот время. Оно потихоньку скукоживается, потому как самолеты из Нарьян-Мара не вылетают по случаю нелетной погоды. Затянувшейся нелетной погоды! Вояка остановился в единственной гостинице, а дни коротал в единственном ресторане. Несложно догадаться, чем он занимался в этом самом ресторане. И вот как-то изрядно набравшись и озверевши от ожидания погоды, он подозвал официантку и с солдатской прямоотой начал склонять ее к сожителству. Советскую официантку этим было не удивить, и она послала его подальше, объяснив, что у нее дома уже есть такое чаще всего тоже пьяное мурло.

На следующее утро капитан опять пришел в ресторан. При полном параде, умытый и побритый. Отловил вчерашнюю официантку в ее служебной загородке и повторил вчерашнее предложение. Возможно в более изысканной форме. Официантка повторила отказ. В какой форме – история умалчивает. Тогда капитан вытащил пистолет и немножко пострелял в потолок. Посетители ресторана, откушивавшие супчик из оленины (другого мяса там не было), дружно полезли под столы. Кто-то вызвал военный патруль.../

Летели мы через Москву – я и Володя Могилатов. Были ли тогда с нами другие коллеги по экспедиции, я сейчас уже и не помню. В Москве до нашего рейса на Геленджик было

чуть не сутки времени. Так что можно было немного побродить по Москве. Что мы с Володей и сделали.

Мы с Володей были друзьями. И до экспедиции и во время и после. Но у нас с ним несколько разный жизненный темперамент. За время пребывания в Ходоварихе мы в течение нескольких месяцев жили, что называется, носом к носу. Общение с другими людьми тоже было ограниченным. Кроме всего прочего, этих других людей было мало. Прилетев в Москву мы с Володей выяснили, что у нас несколько разные планы, как потратить свободное время. И мы расстались до рейса на Геленджик. Разъехались чуть не в разные концы Москвы. Я поехал в самый центр.

Кузнецкий мост. Я выхожу не то из метро, не то из какого-то магазина. И... сталкиваюсь носом к носу с Володей. Посмеялись... Решили, что это судьба и больше не расставались...

На этом я заканчиваю описание давнишней заполярной эпопеи.

Далее несколько слов о местах «боевой славы» сегодня...

Часть 11-я. «Заполярье сегодня».

Речь пойдет, конечно, не обо всем Заполярье, а только о тех местах, в которых мы были.

Ходовариха. Ей «повезло». Есть даже фильм «Побег из Ходоварихи», датированный октябрём 2015-го года:

<https://doc.rt.com/filmy/pobeg-iz-hodovarihi/>

... «Сегодня от посёлка Ходовариха осталась только гидрометеостанция. Обслуживают её метеоролог Вячеслав Короткий и его помощник Устин с женой Ритой. Эти трое и составляют всё население полуострова с названием Русский Заворот. Раз в год к станции подходит дизель-

электроход «Михаил Сомов»: он доставляет продукты и оборудование»...

Маяк не работает с 1996 года. Фото самой Ходоварихи и маяка взяты из Интернета.

Прочитал, что маяк последние годы работал на радиоактивных батареях. Вообще-то кое-что с этим маяком было мне непонятно, как тогда, в 1971-м году, так и сегодня. А когда, он, собственно говоря, работал-то? Летом, когда навигация? Так

летом там полярное лето – т.е. круглые сутки светло. Светить маяку незачем. Зимой, когда полярная зима и все время темно? Так вроде тогда некому светить. Думаю, там море очень быстренько покрывается льдом. И все-таки маяк там работал?...

Тобседа. В Интернете нашел записки об относительно недавнем посещении Тобседы Петром и Натальей Богородских. Они путешествуют по Русскому северу и Арктике, а потом рассказывают о пережитом и увиденном. В Тобседе они были в 2012-м году.

Приведу несколько выдержек из их рассказа; а также три их фотографии.

В Тобседу их загнала непогода. ...«Подгоняемые ветром и волнами мы очень быстро достигли губы Колоколкова, где

увидели многочисленные дома, а также встречающего нас человека на берегу. Это был Василий, который тотчас отвел нас к «Начальнику».

«Начальник» оказался просто здешним хозяином, и звали его Александром Яковлевичем. Он родился в этой деревне (Тобседе), долгое время жил здесь, потом уехал в город, а выйдя на пенсию – арендовал здешнюю землю и теперь жил тут как на даче. Василия он нашел где-то в городе: тот был чуть ли не бомжом, но Александр Яковлевич увез его сюда, и теперь Василий жил на Тобседе постоянно, следя за порядком, и был

вполне счастлив»...

Помните, я рассказывал о рыбаках, бомжах и алкоголиках. Традиция помогать им, похоже, как-то сохранилась в этих местах...

...«Деревня представляла собой скопление различных домов, внутрь которых мы не заглядывали. Раньше тут был рыбсовхоз, поэтому, ближе к берегу лежала пара огромных деревянных лодок, которые каждый раз совершенно потрясали меня своими размерами –

то были парусно-гребные посудины, метров по восемь каждая. С другой стороны, дальше от моря, лежало несколько судовых двигателей 4Д6, которые выглядели практически новыми, и таковыми они, в общем-то и были. Но, к сожалению, некогда по ним проехался трактор, испортив навесное оборудование и даже повредив блоки.

Далее начинались песчаные сопки, среди которых виднелся старый лежащий на боку вертолет Ми-4. Александр Яковлевич рассказывал, что машина потерпела аварию здесь когда-то в семидесятые годы. Экипаж хотел приземлиться, попав в туман, но вертолет, видать, зацепился за что-то винтом и упал. С тех пор его остов, с которого постепенно сняли все ценное, так и остался тут навеки»...

В общем, все примерно так же, как и в сегодняшней Ходоварихе. Мерзость и запустение...

Ну и, наконец, метеорологическая станция «Сенгейский Шар» на острове «Сенгейский». (Фото из Интернета.) Там

располагалась третья радиостанция нашей системы. Я практически ничего не знал, что там была за жизнь тогда летом 1971-го года. Дело в том, что организация ЮЖМОРГЕО, в которой я тогда работал, состояла из двух больших подразделений. Первое – это группа научных отделов. Я работал в одной из двух лабораторий отдела радиогодезии и гидрографии. Второе подразделение – Экспедиция. Люди, работавшие там, занимались обслуживанием различной техники, которая использовалась в экспедициях, как внутри родного отечества, так и за рубежом. В эти самые экспедиции привлекались сотрудники обеих этих больших подразделений. Так в этой заполярной экспедиции две радиостанции нашей радиогодезической системы обслуживались сотрудниками из группы научных отделов; я с ними был знаком. Третья радиостанция (которая на Сенгейском острове) обслуживалась сотрудниками экспедиции – два человека. С ними я познакомился в начале экспедиции; да немного пообщался в конце, когда мы все ждали отправки в Геленджик в гостинице Нарьян-Мара. Когда я начал писать эти заметки, то с трудом вспомнил название места, где базировалась третья радиостанция – остров Сенгейский. И сейчас из Интернета узнал, что единственное место, где жили и живут там люди – это метеостанция «Сенгейский Шар». Понятно, что только там в 1971-м году мы могли арендовать комнатку для наших сотрудников и самого передатчика.

Морская гидрометеорологическая станция Сенгейский Шар была открыта 1 декабря 1954 года. А вот данные примерно пятилетней давности: ...« Действующая метеорологическая станция Архангельского Метеоуправления "Сенгейский Шар". Расположена на территории ныне несуществующей военной части войск ПВО (имеется заброшенный радар). Обслуживается одним (!) метеорологом, вынужденным нести круглосуточное наблюдение с редкими перерывами на сон»... Замечательная динамика. В Ходоварихе – три человека; в Тобседе – два; на острове Сенгейском – один! А еще я прочитал, что в пятидесятые годы, когда создавались метеостанции на европейском побережье Северного Ледовитого океана, метеоданные снимались и передавались по радио четыре раза в сутки. Но уже в году 1960-м перешли на восьмиразовый съем и передачу данных. Т.е. каждые три часа! (Рассказывая о метеостанции в Ходоварихе, я

написал, что данные передавались каждые четыре часа. Ошибался?...) А теперь представьте, как может один человек работать в таком режиме? Оказывается, может. Только наш отечественный?...

Но это данные пятилетней давности. С тех пор, похоже, ситуация меняется. ...« В 2012г в рамках Проекта модернизации наблюдательной сети Росгидромета на станции введен в эксплуатацию автоматизированный метеорологический комплекс (АМК), что значительно облегчило труд наблюдателей и качество получаемых данных»...

Вот, пожалуй, и все о «Сенгейском Шаре».

Похоже, что и другие метеостанции этого региона в последние несколько лет как-то модернизируются.

Ну и еще, пожалуй, несколько слов сегодняшнем европейском Заполярье.

Я уже упоминал энтузиастов Петра и Наталью Богородских. Путешествуют по Русскому северу и Арктике, а потом рассказывают о пережитом и увиденном на своем сайте, с которым можете ознакомиться по адресу: <http://sevprostor.ru/o-sayte.html>

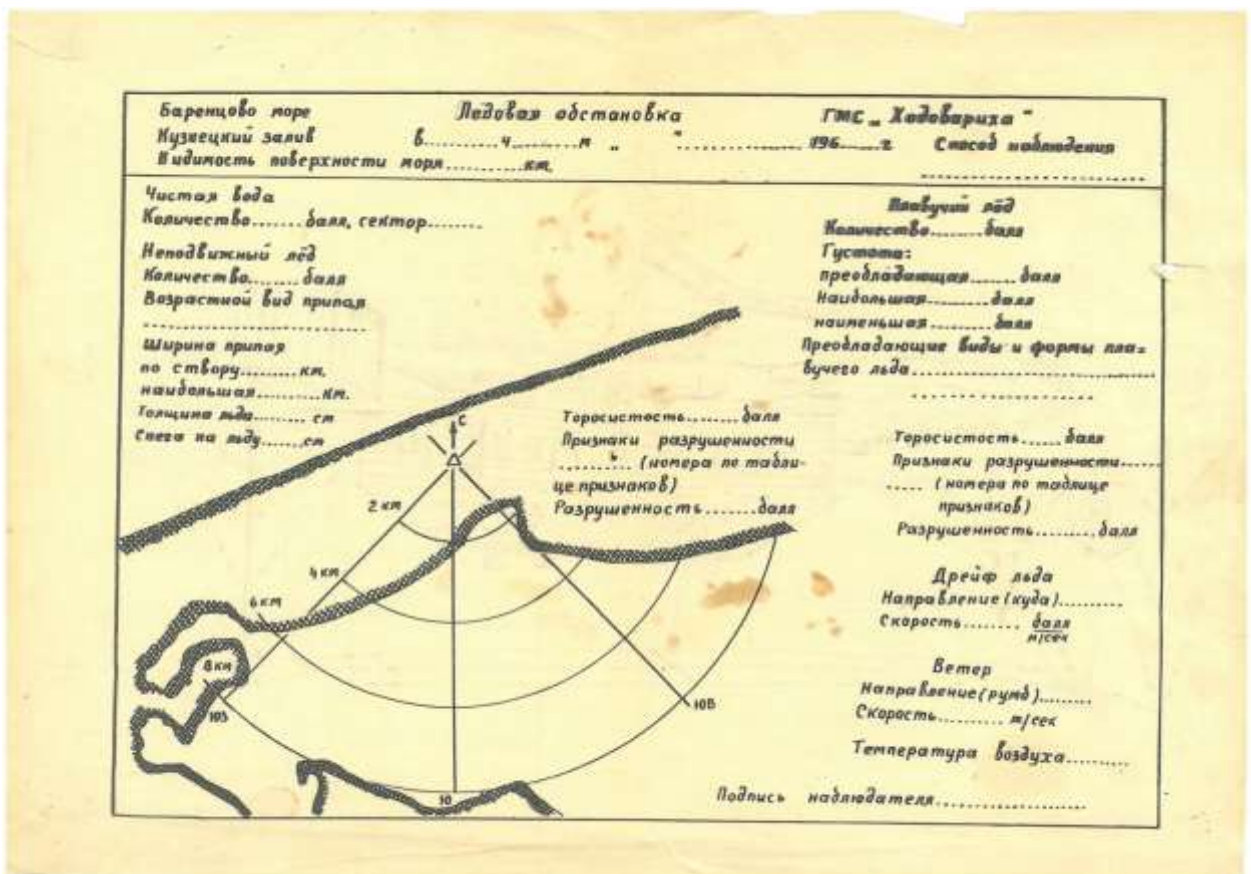
Вот несколько цитат в сокращенном виде: ...«Наша миссия. Основным направлением мы считаем изучение и популяризацию исторического и культурного наследия, оставшегося после освоения Арктики Советским Союзом. За несколько лет мы побывали во многих местах Русского Севера и обнаружили, что весь наш север является средоточием заброшенных объектов советского периода. Объекты эти имеют преимущественно военное назначение. В начале 90-х годов все это по большей части было брошено, покинутые военные базы, аэродромы, погранзаставы, а также, маяки, фактории и промысловые поселки — ветшали и погружались в забвение. В настоящее время ряд объектов восстанавливается. Некогда заброшенную Арктику хотят «оживить». Тем не менее, понятно, что отстраивать заново будут лишь некоторые объекты — дай бог, если пару десятков из сотни. И это логично. Многие объекты утратили актуальность и уже не имеют практического смысла. Однако, потеряв утилитарные свойства, покинутые объекты постепенно приобрели культурно-туристический потенциал. Теперь они являются ничем иным, как историческим наследием, характеризующим освоение Арктики Советским союзом»...

Из других материалов я понял, что сегодня есть жизненноактивные люди, которые рассматривают эти полузаброшенные поселки, как потенциальные объекты этакого экстремального туризма. Один из аспектов, например, - «Сенгейский остров - богатое место охоты на гусей». Что из этого получится, и как перенесет это хрупкая природа Заполярья – покажет будущее.

Часть 12-я. «Небольшое послесловие».

Точнее говоря, два с половиной небольших послесловия.

Послесловие первое. Недавно обнаружил в своих бумагах рисунок, который не попался мне на глаза много лет. Рисунок сделан на чистой обратной стороне бланка.

Бланк заполнялся данными о ледовой остановке в районе метеостанции на Ходоварихе. Заполнялся он естественно сотрудниками метеостанции. Документ интересен просто обилием данных, которые нужно было как-то замерить...

На обратной стороне на рисунке изображена Ходовариха. Точнее говоря, это часть поселка. Так на рисунок не попал маяк. (Маяк... Не помню, чтобы я забирался на этот маяк. Точно не забирался? Как это не похоже на меня...)

А вот кто автор рисунка? Вероятнее всего, это Володя Могилатов. А чистые бланки

вообще могли валяться в нашей комнате. Комнату эту арендовали у метеостанции.

Но автором мог быть и «Геракл» - начальник метеостанции. Но мне это кажется менее вероятным. Надо бы уточнить у Володи...

И второе послесловие. Когда я уже почти закончил писать эти заметки, вспомнился еще один момент. А ведь в Ходоварихе был кинопроектор! Можно было

«крутить» копии фильмов на профессиональной 35-миллиметровой киноплёнке. Такие копии «крутили» в многочисленных кинотеатрах в нашей необъятной родине. (Тогда. А сейчас...)

А вспомнил я про кинопроектор вот почему. Володя улетал из Ходоварихи с одной из копий фильма в такой большой жестяной коробке. Эту копию он выменял у «Геракла». А вот на что выменял, не помню. На спирт – это было бы очень понятно. Только откуда бы был у нас спирт в конце экспедиции?

Зато я помню фильм, копию которого Володя захотел иметь у себя. Фильм стоил этого. Это фильм Сергея Параджанова «Тени забытых предков». ...«5 марта 2010 года на пресс-конференции в Ереване всемирно известный сербский кинорежиссёр Эмир Кустурица назвал Сергея Параджанова гениальным режиссёром, а его фильм «Тени забытых предков» — лучшей картиной в мире, снятой до сих пор»...

Не буду рассказывать, кто такие Сергей Параджанов и Эмир Кустурица. Долго рассказывать тем, кто не знает их. А тем, кто знает, это не нужно.

В плане моего рассказа больше интересно, откуда в этой богом забытой глуши в то время взялся кинопроектор с лентами фильмов. Да еще таких...

Не забывайте, что действие происходило при советской власти. А еще на заре этой самой власти в беседе с Луначарским наш великий вождь тех времен товарищ Ленин сказал: ...«Из всех искусств для нас важнейшим является кино»... При советской власти бардака было поменьше, чем сегодня. И ежели вождь что сказал, то надо было как-то выполнять. И как-то выполняли. В силу своего разума. Так другой наш вождь (тоже товарищ) Сталин считал, что для советского человека достаточно выпускать «развлекательных» картин в количестве десяти штук в год. Их столько и выпускали. Хотя какими они были развлекательными...

Но советская власть заботилась не только о выпуске разнообразной кинопродукции, но и о том, чтобы эта продукция доходила до каждого советского человека, где бы он ни находился. (Я опять о просторах...) В городах – через кинотеатры; в деревнях – через сельские клубы. В городах люди за просмотр кино платили деньги. Как это было на деревне – не знаю.

Но была еще одна категория советских людей, которые в малых количествах были раскиданы не только на «просторах», но даже и по миру. Это были такие микроскопические поселки, как Ходовариха и Тобседа, с нерегулярным сообщением с остальным миром. Еще морские (и речные?) суда. И там тоже были советские люди, которых никак нельзя было оставлять без «интеллектуальной» пищи. Их и не оставляли. Все такие места оснащались кинопроекторами. (Бесплатно!) Кроме того на каждое такое «место» давалось какое-то количество копий лент кинофильмов. В случае каких-либо оказий ленты обменивались. Так если в ту же Ходовариху прилетал с этой самой оказией вертолет, то он мог привезти с собой какое-то количество лент с кинофильмами. Т.е. был какой-то централизованный обменный фонд лент. И тогда ленты можно было поменять «штука на штука». Кроме того, объекты (такие поселки или суда) могли обмениваться лентами между собой. Учет велся только по «штукам», но не по названиям лент.

В Ходоварихе кинопроектор стоял на метеостанции. Там же было несколько лент с фильмами. В том числе и «Тени забытых предков». Мы просмотрели эти фильмы. Володя присмотрел этот фильм и выменял его у «Геракла».

А вот зачем?... Проектора у Володи не было. Это, во-первых. А во-вторых, кинопленка вещь недолговечная. Старее достаточно быстро. Особенно цветная. Цвета блекнут; да и сам цветосодержащий слой облетает с пластиковой основы. Если есть желание сохранить пленку подольше, то хранить ее нужно при пониженной температуре. Как это видимо и делают в кинохранилищах.

Мой друг Валера Дворников в свое время, можно сказать, тайком в Доме Ученых в новосибирском Академгородке снял фильм с картин очень интересного художника Павла Филонова. (Это отдельная очень интересная история.) Было сделано несколько копий.

Одна из копий была собственностью Валеры. Быт у Валеры в то время был сильно неустроен. И он отдал свою копию фильма матери на хранение. Попросил ее хранить в холодильнике. Мама отнеслась к этому несколько небрежно. В результате лента безнадежно испортилась...

Ну и в конце расскажу про один эпизод, связанный с обменом кинолент на судах.

Было это в 1983-м году в городе Роттердаме; Голландия (или Нидерланды?). Я уже упоминал, что я тогда принимал участие в геофизической экспедиции на судне «Профессор Штокман». Судно вышло из Калининграда, и, не делая долгой паузы, перед тем, как отправиться на дальние север, мы зашли в этот порт (кстати, чуть не самый крупный в мире на тот момент). Выяснилось, что недалеко от места стоянки нашего судна стояло другое наше судно – «Космонавт Юрий Гагарин». Наши судовые ребята связались с командой этого судна и договорились об обмене кинолент. Естественно, я об этом узнал, и, естественно, увязался с ними проверить эту операцию.

Нас было трое; мы понесли на обмен девять кинолент (помню, что девять!)

Обмен кинолент в этой истории, естественно, не самое интересное. Да и не участвовал я в этой операции. Мне было интересно само это судно! Ведь речь шла о научно-исследовательском судне, предназначенном для управления космическими аппаратами, для поддержания связи наземных пунктов управления полётами с экипажами космических кораблей и станций. Крупнейшее и мощнейшее судно в своём классе.

В Википедии написано, что оно ...«построено в 1971 году в Ленинграде на базе танкера». Это было, тогда, когда я «сидел» в Ходоварихе. В той же статье: ...« Названо в честь Юрия Алексеевича Гагарина постановлением Совета министров СССР 10 февраля 1969г»...

Т.е. судно сначала называли, а через два года оно было достроено и выпущено в эксплуатацию? Возможно. Но судно-то строили в спешке. Оно не было изначально спроектировано для весьма специальной цели, а построено на базе танкера. И уже в процессе строительства перепроектировалось. Это была невероятно сложная и дорогая задача. ...«На борту 1250 помещений, в т.ч. 86 лабораторий!»... И это делалось в невероятной спешке. Не слабо? Только в СССР это было возможно, когда денег не считали в космической гонке со Штатами.

В другом месте я прочитал, что судно построено не просто на базе танкера, а на базе КОРПУСА танкера. Почувствуйте разницу...

Несколько цифр. Водоизмещение судна «Космонавт Юрий Гагарин». – 45 000 тонн. Для сравнения: «Профессор Штокман», на котором мы прибыли в Роттердам – 1 100 тонн; «Академик Мстислав Келдыш», считавшийся флагманом научно-исследовательского флота Института океанологии в то время (позже я совершил на нем, можно сказать, кругосветное плавание) - 6345 т. И даже знаменитый «Титаник» почти вдвое меньше - 28 000 тонн. «Космонавт Юрий Гагарин» самое крупное в мире научно-исследовательское судно...

Длина одиннадцатипалубного теплохода - 231,6 м.

В составе экипажа 140 человек, экспедиции — 215 человек. («Штокман» - 34 и 26 человек; «Келдыш» - 64 и 66 человек.)

Ну и еще масса интересных цифр, которыми не буду обременять вас.

Это громадное судно очень необычно. На его борту находится 75 различных антенн, в том числе две антенны с параболическими отражателями диаметром 25 м! И еще две чуть поменьше. Вес этих четырех антенн – 1000 тонн! Это почти столько же, сколько весил весь наш «Штокман». Причем (посмотрите на фото судна) расположены эти тяжеленные антенны высоко над палубами. А это очень сильно влияет на остойчивость судна. Естественно, в отрицательную сторону. В условиях волнения судно будет стремиться сильно раскачиваться и перевернуться. Эти громадные антенны также сильно

увеличивают парусность судна. Но на судне есть, так называемый, пассивный успокоитель и довольно эффективный.

А вот что по этому поводу интересного рассказали мне на этом судне.

Аппаратура на этом судне представляла собой по сути радиостанцию для связи с космическими аппаратами. Мощный передатчик на космической станции на орбите не поставишь. Поэтому, чтобы принять слабенький сигнал со спутника, нужна была большая параболическая антенна, направленная точно на спутник. Точно также, чтобы передать сигнал на спутник, нужен был узконаправленный луч, направленный точно на спутник. Радиоизлучение для человека не полезно. Сигнал от передатчиков, распложенных внутри судна, шел к параболическим антеннам внутри волноводов. Это в общем-то просто металлические трубки. Но все-таки какая-то пусть и очень небольшая часть радиоизлучения проникала наружу волноводов и «плохо» действовала на организмы людей на судне. В условиях

качки передающая антенна раскачивается сильнее, и «прицел» ухудшается. Чтобы сохранить качество связи, увеличивают мощность излучения до предела. Соответственно увеличивается и доля излучения, достигающая людям на судне. Если я верно помню, максимальная мощность высокочастотного излучения – 75 киловатт. Это много. (За точность цифр не ручаюсь.) Рассказывали, что в режиме максимального излучения (т.е. во время сильной качки) люди на судне жили в режиме «спасайся, кто как может». Т.е. нужно было держаться подальше от точек, из которых больше «свистело». Эти точки были известны.

Корабль, конечно, здоровенный. Но, пожалуй, первое, что мне бросилось в глаза внутри судна, это то, что он отечественной постройки. «Штокман» и «Келдыш» были построены в Финляндии. Разница примерно такая, как между хорошими зарубежными отелями и нашими санаториями. Даже теми, кто претендуют на высокую «звездность».

Судно хоть и считалось научно-исследовательским, но по режиму было больше военным. Перед посещением был согласован состав «гостей». Нас было всего трое. Посещение было коротким по времени. Двое из нас фактически это время занимались

обменом фильмов. Мне удалось немного пообщаться с сотрудниками комплекса, да кое-что посмотреть; совсем мало. Меня провели через спортивный зал внутри судна. Он поразил меня размерами. Полноразмерная волейбольная или баскетбольная площадка. (Смутно помнится, что из этого объема можно было сделать либо то, либо другое.) Сейчас прочитал, что в носовой части судна располагался кинозал на 250 зрителей, а под ним — спортзал. Здесь было три бассейна, зоны отдыха с бильярдной.

Еще я обратил внимание на медчасть с несколькими кабинетами. На наших судах (океанологии) в обязательном порядке был врач со своим кабинетом. (Полезный «компонент» советской власти.) На большом «Келдыше» еще был лазарет – небольшая одноместная каюта с кое-каким медицинским оборудованием. Наличие медцентра на судне «Космонавт Юрий Гагарин» было конечно оправдано. Во-первых, на судне три с половиной сотни человек - население приличного поселка. Для такого количества людей одного кабинета врача все-таки маловато будет. Во-вторых, вредные условия труда – высокочастотное излучение. (В этом плане меня поразила одна дама на судне; состояние – перед родами! Но, как известно, жизнь всегда и везде берет свое...) А в-третьих, это судно, как и другие суда МКФ (морского космического флота), участвовали в длительных рейсах. Могу смело предположить, что суда эти бывали в море без захода и месяц, и два и три. Недаром запасы провизии, топлива и масла у «Гагарина» рассчитаны на 130 суток. В то время как у «Келдыша» автономность плавания почти вдвое меньше - 72 суток. Несложно понять, что повышение автономности судна это весьма дорогое удовольствие. А я по собственному опыту знаю, что месяц и больше без захода это повышенная и физическая и психологическая нагрузка для человека.

/Пусть у вас не создастся впечатление, что я считаю советскую власть сильно заботившейся о благе человека. Тут тебе и бесплатное кино вдали от родины, и целая медчасть на океанском судне. Приведу два примера, как эта самая советская власть «заботилась» о человеке на океанских судах.

В своих заметках о своем кругосветном путешествии на «Келдыше» я писал о том, что мы участвовали «в поисках затонувшей атомной подводной лодки» в Саргассовом море. (Эти заметки я разместил в фэйсбуке.) Нас там дозаправлял топливом военный танкер. К тому моменту экипаж судна провел в океане семь месяцев без захода! А ведь там были восемнадцатилетние матросы. Пацаны!

А в описываемой экспедиции на «Штокмане» у нас был заход в небольшой норвежский город Хаммерфест. Около него в полукилометре от берега стоял на якоре наш плавучий рыбзавод. На нем была, как полагается, куча народу. В основном это были наши отечественные дамы. К рыбзаводу норвежские рыболовецкие суда подвозили свежесвыловленную рыбу, а наши красавицы засовывали ее в консервные банки. В момент нашего захода в Хаммерфест рыбзавод стоял там уже полгода. «Изюминка» состояла в том, подавляющее число людей на рыбзаводе (если не все) ни разу(!) не выходили все это время на берег. Почему? А потому, что они были «невизированными». У них на руках не было паспортов моряка (эквивалент заграничного паспорта). Работали, как рабы. Я слышал рассказы людей, побывавших на таких плавучих рыбзаводах. Правда, это было в Тихом океане. Но не думаю, что в Атлантике было «слаще».

Я видел своих друзей после полугодового океанского рейса на достаточно небольшом судне. Рейс был с заходами. И все равно у них были заметные отклонения в психике.../

Вернемся на «Гагарин». Моя очень краткая экскурсия закончилась на верхней палубе под громадными параболическими антеннами. Там лежал запасной якорь каких-то нереально циклопических размеров. Жаль не осталось никаких фотографий. Вероятнее всего был запрет на фотосъемку на борту судна. Фотоаппарат-то у меня с собой был. Посмотрите на два моих фото с причала. Вид на судно с кормы и на громадную антенну

снизу. И еще одно эффектное фото из Интернета. Согласитесь, что кроме всего прочего, «Гагарин» - это еще просто очень красивый корабль! (Фото из Интернета.)

Ну и немного слов о том, чем закончилась судьба этого судна. (И не только его.) «Гагарин» был приписан к порту Одессы. С 1971 по 1991 год судно выполнило 20 экспедиционных рейсов в Атлантическом океане. (По другим данным от 19-ти до 22-х.) А вот «Профессор Штокман» был в более чем 100 научных рейсах, и в настоящее время продолжает научную деятельность.

К 1979 году МКФ (морской космический флот, в состав которого входил и «Гагарин») состоял из 11 специализированных судов, которые участвовали в управлении пилотируемых полетов.

В 1991 году развалился Советский Союз, и «Гагарина» приватизировала Украина. (Оно и понятно – портом приписки судна был украинский город Одесса.) Пишут, что ... «судно по назначению не использовалось. Вскоре судно оказалось не по карману ни МО Украины, ни Черноморскому морскому пароходству... ..В 1996 году «Космонавт Юрий Гагарин» был продан по цене 170 долларов за тонну; отправился в последний путь из порта Южный (г.Одесса) в Индию, где его разрезали "на иголки"... Ох уж эти «хохлы»!

Однако, все не так просто. ...«К 1996 году Черноморское морское пароходство стало неспособным содержать судно и платить зарплату экипажу. Подменная команда, чтобы выжить, меняла на продукты питания снятые приборы, двери и кабели — всё пригодное для наземного использования. После нашествия мародёров никто точно не знает, что стало с судовой библиотекой, куда делся судовой музей с подарками космонавтов и портретом Ю.Гагарина, подаренным экипажу Анной Тимофеевной Гагариной... ..В московский Музей морского космического флота В.Капранов(?) принёс ключ с биркой от своей каюты. Это пока единственная реликвия с любимого судна»... Прямо негодование охватывает!

А попробуем на эту ситуацию посмотреть чуть с другой стороны. Получается, что украинские собственники судна пять лет его как-то худо-бедно содержали. Зарплату команде платили. И только потом прекратили, когда им стало невозможным это делать. А что собственно им нужно было делать с этим уникальным судном? Туристов возить? Или «челноков» в Турцию, как это, например, делало судно «Витязь». (Имеется в виду последнее, четвертое судно с этим названием, принадлежавшее Южному отделению Института океанологии в Геленджике. Кстати, удивительное дело – ничего не смог найти в Интернете об этом судне!) И не только «челноков» - контрабанду «Витязь» возил; знаю об этом не понаслышке. Да практически весь наш научный флот в последние пару десятков лет участвовал и участвует в разного рода коммерческих предприятиях; зачастую в сомнительных. Может есть какие-то исключения, только я об этом не знаю.

Я уверен, что украинские собственники «Гагарина» и рады были бы использовать его в каких-нибудь коммерческих проектах, только это наверняка было практически невозможно хотя бы из-за его циклопических размеров. А переделывать его под что-то другое было бы, что называется, себе дороже. (Кстати, упоминавшийся выше «Витязь», был наверняка очень малорентабелен для коммерческих целей. Практически половину его трюмов занимал весьма объемный гипербарический комплекс, который, если и использовался в экспедициях, то крайне мало. Это насколько я знаю. Точно ручаться не могу. Я участвовал в одной из экспедиций на этом судне в Средиземном море и Центральной Атлантике. Это когда «нашли Атлантиду». Об этом можно услышать от известного ученого и барда Александра Городницкого чуть не несколько раз в неделю в телепередачах Игоря Прокопенко на Рен ТВ. Городницкий тоже принимал участие в этом рейсе. (Или я тоже принимал участие?))

Фактически «Гагарина» можно было использовать только по его прямому назначению – для связи с советскими (российскими) космическими аппаратами. (Подчеркиваю – с советскими!) Первое, что приходит в голову – А почему бы украинским товарищам было не сдавать «Гагарина» в аренду нашей космической «конторе»? Хотя бы и за небольшие деньги. В конце концов, «с паршивой овцы хоть шерсти клок»?

Идея, конечно хорошая, но плохая. (Как говорю я.)

«Гагарин» был самым большим, но не единственным судном в морском космическом флоте нашего отечества. К 1979-му году этот флот состоял из 11 специализированных судов, которые участвовали в управлении пилотируемых полетов и других космических делах. Большинство из них (если не все) тоже были построены на базе танкеров, лесовозов, сухогрузов.

А потом наступила перестройка, развал Союза и прочие «приятности» новейшего времени. Космические дела начали стремительно скукоживаться, как шагреновая кожа. И весь наш космический флот потихоньку становился не у дел. Все эти суда, как и «Гагарин», были настолько специализированными, что использовать их в каких-то других коммерческих проектах даже с минимальной рентабельностью было невозможно. Их потихоньку списывали. И большинство из них (если не все), как и «Гагарин», ушли на слом в Аланг (Индия). (Похоже это какой-то мировой пункт приема металлолома.) Выше я цитировал, что «Гагарин» ушел на металлолом по цене 170 долларов за тонну. Контекст цитируемой заметки осуждающий – продали за бесценок! Я не знаю мировых цен на металлолом в то время, но в какой-то другой заметке вскользь говорилось, что какие-то суда (может и не космические) наши продавали по цене 5-10 долларов за тонну.

Из всех этих судов удалось спасти только судно «Космонавт Виктор Пацаев». ...«Этот корабль совершил 14 рейсов в Центральной и Южной Атлантике. «Пацаев» обеспечивал связь с экипажами орбитальной станции «Мир», космическими аппаратами «Союз», «Прогресс» и «Молния». В 2000 г. судно пришло в Калининград и встало у причала Музея Мирового океана... Вроде бы аппаратура судна находится в каком-то рабочем состоянии и даже участвует в каких-то работах с

космическими аппаратами. Но уже без выхода в океан...

А все же почему развалился и исчез в небытие практически весь наш космический флот? Ответ вроде на поверхности - захирела наша космическая отрасль. Безусловно это так. Но может быть есть и другой аспект? Может быть, технический прогресс в различных областях, связанных с космическими делами, позволил хотя бы частично обойтись без такого весьма дорогостоящего компонента, как морской космический флот? Я не специалист в этих делах; мне самому было бы интересно узнать, есть ли в этом предположении хоть какой-то элемент истины...

На этом неожиданном для меня самого месте я заканчиваю рассказ об экспедиции в Заполярье летом 1971-го года.

И последнее фото. Я с Володей Могилатовым у меня дома в Геленджике в мае 2013-го года.

Продолжение не последует. Пока...

Весна 2016 года.